

Сандра Кэнфилд

Любимая

Кэнфилд С.

Любимая / С. Кэнфилд —

Молодой преуспевающий хирург-кардиолог Роуэн Джейкоб поселился на две недели в старинном новоорлеанском особняке, чтобы прийти в себя после несчастного случая. Однако герою «Любимой» не суждено отдохнуть в тишине. Вопреки здравому смыслу он влюбляется в красавицу, сошедшую к нему с портрета прошлого века.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	24
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	34
ГЛАВА ПЯТАЯ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сандра Кэнфилд

Любимая

ПРОЛОГ

Словно загадочная женщина, дом таил свои секреты. Роуэн Джейкоб почувствовал это, как только увидел двухэтажное здание. Об этом говорило и его местонахождение – знаменитый новоорлеанский Гарден Дистрикт, «район Садов». Прочие дома девятнадцатого века в большинстве своем были тщательно отреставрированы и украшали собой улицу, а этот прятался на задворках за старыми огромными магнолиями. Казалось, он был изгнан из общества за какой-то ужасный проступок.

В настоящее время дом принадлежал врачу, уехавшему на лето в Европу. Рядом со своими монументально-массивными соседями он казался небольшим и напоминал высокую четырехугольную шкатулку. Аскетическую строгость его линий нарушали лишь четыре ряда двойных колонн, соединенных, словно кружевом, кованой чугунной решеткой, да находившийся справа узкий балкон. Казалось, что все – очертания здания, решетка, ворота, еще больше отдалявшие дом от окружающего мира, узкие, зашторенные окна, тяжелая входная дверь из темного дерева и даже цвет стен – нечто среднее между белым и серым, – призвано держать незваных гостей на расстоянии, оберегая покой обитателей дома.

Он был здесь чужим.

Роуэн для всех был чужаком – для этого дома, для его хозяина, и даже для самого себя. Его жизнь разлетелась вдребезги не более двух недель назад, но казалось, что прошло, по меньшей мере, миллион лет. Теперь ему предстояло собирать осколки – задача трудная, почти невыполнимая. По правде сказать, он отнюдь не был уверен, что все обломки на месте, и даже подозревал, что в дело вмешаются части иных, не относящихся к делу, головоломок. Так или иначе, Роуэн боялся, что его жизни никогда не стать такой, как прежде.

Поначалу он не придавал значения странным вещам, творившимся с ним, но постепенно, будучи врачом и образованным человеком, был вынужден признать, что что-то не так. Совсем не так. Если он и питал какие-то иллюзии, случай, имевший место два дня назад в больнице, не оставил от них камня на камне. Теперь Роуэн даже не пытался обманывать себя. Он – не тот, каким был раньше. Это было ясно, просто и... страшно.

«Ладно, – подумал он, глуша мотор своего «мерседеса». – У дома свои тайны, у меня – свои».

Роуэн направился к воротам. Летний зной душил его, обжигая грудь, и полдень, казалось, источал огненный жар. В то же время он обостренно воспринимал каждый запах и звук, слышал щебет птиц и жужжание работяг-пчел. Открываясь, ворота скрипнули. На него повеяло ароматом цветов – медуниц и роз, запахом густой, мягкой, свежей травы и тяжелым, душным запахом земли.

Земля.

Вдруг ему послышались глухие удары – словно горсти земли падали на гроб. Он испугался, что снова увидит что-нибудь необъяснимое, но кошмар не материализовался. Роуэн вздохнул с облегчением. За последнее время он не столь уж часто мог себе это позволить.

Медленно поднимаясь по ступенькам, он чувствовал, как немилосердно солнце жжет спину. В Хьюстоне тоже было жарко, но все же не так, как здесь. Он решил, что всему виной повышенная влажность. Растения благоденствовали в тропическом климате, но за роскошный райский сад жителям Нового Орлеана приходилось дорого платить. Когда Роуэн пошел по

дорожке, где росли папоротники, его окутала тенистая прохлада. Создавалось впечатление, что он оказался в тени раскидистого дерева. Он остановился, всем телом впитывая прохладу.

Подойдя ближе, он заметил некоторые детали, незаметные на расстоянии. Жардиньерка в восточном стиле была увита ванильно-белыми цветами, у входа висел на длинной цепи фонарь из бронзы и стекла. Справа от двери находились два ослепительно чистых узеньких окна с выкрашенными серебристо-серой краской ставнями. Перед дверью гостеприимно лежал коврик.

Выудив из кармана ключ, Роуэн вставил его в замочную скважину и только тогда заметил, что к двери скотчем приклеена записка. Он прочел ее:

Я очень рад, что Вы согласились следить за домом. Желаю уютно устроиться здесь. Кстати, я совсем забыл предупредить Стюарта, что уборщица приходит раз в неделю. А еще, пожалуйста, подкармливайте бродячего кота, который изредка заходит сюда. В кладовке есть кошачьи консервы. Будьте как дома.

Под этим посланием стояла подпись Дэвида Белла.

– Спасибо, Дэвид Белл, – поблагодарил Роуэн своего неизвестного благодетеля и повернул ключ. Щелкнул замок. Роуэн медленно повернул ручку. Затем медленно распахнул дверь. Тени заплясали на сером с оранжевым обюссонском ковре, не достигавшем изящной витой лесенки, ведущей вверх. Сверху свисала роскошная люстра из хрусталя с золотом. Несмотря на то, что интерьер казался уютным и красивым, Роуэн замешкался. Что, если снова произойдет нечто странное? Но ведь дом пуст... Он же реагирует только на людей и их эмоциональное состояние.

Он вошел.

И принялся ждать.

Ничего... разве только четкое ощущение, что дом что-то таит в себе. К счастью, он не торопится делиться своими секретами. Роуэн вздохнул с облегчением. Новые проблемы ему совершенно ни к чему. Ему довольно и своих. За несколько последующих недель он должен примириться со своей жизнью. И, что еще важнее, со своей смертью...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он скоро умрет.

Роуэн Джейкоб воспринимал это спокойно и без лишних эмоций, частично потому, что ему ежедневно приходилось сталкиваться со смертью – как хирург-кардиолог он всеми силами стремился вырывать у старухи с косой все новые жертвы, а частично и благодаря своему умению ни при каких обстоятельствах не терять головы. Это был человек, превыше всего ценивший самоконтроль, а самоконтроль требует ясного рассудка. Теперь он с присущим ему хладнокровием медленно и тщательно проверял оборудование для подводного плавания, находясь в соленой воде Карибского моря. Шланг не перекручен. Утечки нет. Ничто не препятствует притоку кислорода. И все же драгоценный газ не поступает. Он в очередной раз посмотрел на индикатор кислорода, хотя прекрасно понимал, что может увидеть. Так и есть – осталось целых семьсот фунтов. Он постучал по прибору, надеясь, что стрелка перескочит на красную отметку, оповещающую об опасности. Тогда, по крайней мере, все будет понятно.

Тем не менее, Роуэн догадывался, что происходит, точнее, что произошло. Гид, которого он вместе с двумя своими приятелями-врачами нанял в Косумеле, клялся на ломаном английском, что оборудование для подводного плавания новенькое и последней модели. Возможно, так и было, но у этого снаряжения есть один существенный недостаток: оно не работает. Роуэн подумал, что за те деньги, которые гид получил от них, пройдоха поклялся бы и в том, что его мамаша – сама дева Мария... Ну, дайте мне только добраться до этого сукина сына!

Роуэн всегда ценил юмор и сейчас рассмеялся бы, если б мог. Дело в том, Джейкоб, старина, что тебе до него не добраться. Эта мысль, возникшая в подсознании, заставила его понять, что смерть близка, как никогда. Тут Роуэна охватила непривычная паника.

Спокойнее, Джейкоб, спокойнее!

Инстинкт самосохранения заставил его еще раз попытаться вдохнуть. Тщетно. Словно пытаешься дышать из пустой бутылки. Снова появился панический страх, но Роуэн сдерживался. В груди началось жжение – непонятно, от страха или от недостатка кислорода.

Он огляделся в поисках выхода из пещеры и понял, что был столь же беспечен, как и их гид. Ни в коем случае нельзя было отрываться от остальных. Главное правило аквалангиста: никогда не ныряй в одиночку. Но пещера так влекла к себе, так манил подводный рай, а друзья были далеко наверху... Я только одним глазком гляну, и все...

«Ты самоуверенный ублюдок», – эти слова Стюарта Кистерсона он слышал сотни раз, и теперь они вновь зазвучали у него в мозгу.

– Ага, – Роуэн представил себе свою нахальную ухмылку, – именно самоуверенность делает меня самым лучшим хирургом-кардиологом в Штатах.

– Какая скромность, Джейкоб! Ты хочешь сказать, что ты не самый лучший хирург в мире?

– Конечно, лучший, я просто изо всех сил стараюсь быть скромным.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – обычно спрашивал Стюарт. – Тебе никто еще не объяснил, что ты смертный.

Ну, да, и теперь он усвоит это слишком хорошо, если не успеет выбраться из этой пещеры. Может, неподалеку окажутся друзья, и ему удастся глотнуть воздуха...

Роуэн чувствовал, как все сильнее сжимается его грудь. Он поплыл по направлению к выходу из пещеры, заставляя себя грести сильно, но без спешки, и сохранять спокойствие. Человек может задержать дыхание на две-три минуты. Даже потеряв сознание, он проживет еще несколько минут, и лишь потом возникнут необратимые изменения в мозгу. Разумеется, друзья – ведь они врачи! – сумеют оказать ему помощь. Но лишь при условии, что придут вовремя... Господи, Стюарт, где же ты?

Подводный мир, лишь несколько минут назад казавшийся столь увлекательным, теперь абсолютно не интересовал незадачливого аквалангиста. Его больше не занимали ни причудливые формы камней, ни бирюзовая прозрачность воды. Боковым зрением Роуэн заметил метнувшуюся с его пути стайку серебристых рыбешек, увидел золотистый луч света и столкнулся с большим коричневым групером. Сонные глаза рыбы, казалось, недоуменно расширились.

«Убирайся с дороги, черт бы тебя побрал», – выругался про себя Роуэн.

Спокойнее, спокойнее. Иначе тебе не выбраться. Думай. Упорно думай... о Кей.

Усилием воли он заставил себя представить светловолосую женщину, ждущую его на яхте. Он словно наяву увидел ее длинные загорелые ноги и накрахмаленные шорты, такие белые, что аж глазам больно. Вспомнил ее ослепительную улыбку. Принцесса выйдет из себя, когда ее тщательно продуманная и спланированная свадьба полетит ко всем чертям – что делать, жених скончался. Извини, Кей. Извини...

Господи, как болит грудь! Такое впечатление, что внутри пылает жар, или чья-то гигантская раскаленная рука сжимает ребра. Ему необходимо дышать. Дышать! Все, что ему нужно – один-единственный вдох.

Он прекратил загребать воду. Поправил загубник, словно, изменив его положение, мог изменить саму ситуацию, и жадно вдохнул. Должен же там быть хоть глоток воздуха! Но нет. Ни капли. Только пустота, которая никак не могла насытить его измученные легкие.

Ему не выбраться. В операционной интуиция подсказывала, когда за жизнь пациента следует бороться, а когда надо смириться с неизбежным. Теперь он почувствовал, что бессилен. И разозлился. Слишком рано умирать в тридцать шесть лет! Чертовски глупо! А он такой хороший хирург!

Сердце бешено колотилось.

Кожа похолодела от страха.

Тишина оглушала, давя на барабанные перепонки.

И все же он нашел в себе силы оставаться спокойным. Надо умереть в здравом уме. Сохранить достоинство. Умереть... Голова закружилась. Мысли путались. «Не тяни, – приказал он себе. – Выплюнь загубник и наполни легкие водой». – Но понял, что не сможет сделать этого. Снаряжение тянуло его ко дну, а он не мог сбросить его, цепляясь за акваланг, как за последний шанс выжить.

Загубник со следами зубов выскользнул у него изо рта. Утратив самообладание, Роуэн попытался схватить его. Судорожно дергаясь, он сорвал маску с лица и потерял один ласт. Голова кружилась все сильнее. Тело начало медленно всплывать. Спокойнее... Спокойнее... Это слово кружилось у него в голове, словно изящная серебристая рыба. Тут свет померк, все потемнело, и ему показалось, что он падает в зияющий черный провал. В последнюю минуту мелькнула мысль: Стюарт был прав, и он, в конце концов, простой смертный.

– Скорей! – крикнул Стюарт трем женщинам, дремавшим на борту яхты под ярким майским солнцем. – Помогите нам поднять его!

Услышав приказ, все три дамы собрались у борта, не понимая, что нарушило покой этого дня. Увидев неподвижного Роуэна, чья голова безвольно склонилась к плечу, жена Марка Хагена, Сьюзен, воскликнула:

– Господи! Что случилось?

– Роуэн! – хрипло прошептала, не веря своим глазам, длинноногая блондинка в безукоризненно белых шортах.

На третьей женщине было ярко-розовое бикини, почти не скрывавшее ее форм. Она была квалифицированной медсестрой и прошла специальную подготовку. Подбежав к трапу, она принялась помогать мужчинам. Марк Хаген начал подниматься по лесенке, волоча за собою неподвижное тело друга. Сзади его подталкивал плечом Стюарт. Но им не удавалось подняться. Женщина в бикини схватила Роуэна за руку.

– Сними с него этот чертов акваланг! – крикнул Стюарт.

Медсестра принялась возиться с ремнями, охватывающими плечи Роуэна. Сьюзен поспешила на помощь подруге. Девушка в белых шортах словно приросла к палубе.

– Тащи! – закричал Стюарт.

– Не могу! – огрызнулась медсестра.

– Снимай его! – прорычал он. Она снова дернула ремень, сломав три ногтя и чуть-чуть не расставшись с лифчиком. Ее усилия были вознаграждены – один из ремней соскользнул с плеча Роуэна. Второй растянулся легко – об этом позаботился Марк. Акваланг с шумом упал в воду, обрызгав всех, но никто, даже женщина в белых шортах, не заметил этого.

– Тащите его наверх, – приказал Стюарт. Он подталкивал друга снизу, в то время как Марк и девица в бикини тащили его за руки. Сьюзен схватила ласту, едва державшуюся на ноге Роуэна.

Несколько секунд спустя безжизненное тело уже лежало на палубе яхты. Темные мокрые волосы прилипли ко лбу. На посиневших губах и мертвенно-бледном лице сверкали капли воды.

Словно приведенная в чувство этим мрачным зрелищем, девушка в белых шортах подошла к телу и, упав на колени, позвала:

– Роуэн?

Это прозвучало тихо, жалобно, как будто она умоляла его очнуться и сказать, что все в порядке, что он жив.

– Уведите ее, – распорядился Стюарт. Приподняв голову Роуэна, он готовился делать искусственное дыхание.

– Идем, Кей, – спокойно сказала Сьюзен. – Ему помогут.

– Нет, я...

– Пожалуйста, Кей, – Сьюзен силой, словно ребенка, увела девушку.

Марк, сняв свой акваланг, подошел к Роуэну.

– Ты готов? – спросил он Стюарта. – Да, – Стюарт зажал Роуэну ноздри.

Казалось, Марк целую вечность нажимал ладонью на грудь друга, заставляя биться его сердце, а Стюарт наполнял его легкие воздухом... Наконец Марк закричал от радости, почувствовав под рукой слабые удары:

– Бьется!

– Давай-давай! – подбодрил его Стюарт. И тут Роуэн вдохнул. Изо рта полилась вода. Жизнь снова вернулась к нему.

Неделей позже Роуэн наслаждался прекрасным мягким майским вечером, стоя на балконе своей квартиры, расположенной в престижном районе Хьюстона. Он только что вышел из душа. На нем были только поношенные джинсы.

Жители этого района могли позволить себе наслаждаться покоем, хотя и платили за него недешево. Еще важнее в этом краю обрамленных деревьями улиц и чугунных ворот была возможность показать свою независимость и материальный достаток.

Роуэн, так же как и его соседи, крайне самоуверенно тратил деньги. Он пригласил с Юга очень известного дизайнера по интерьеру, иссохшего человечка, который шикарно умел тратить чужие деньги. Знаменитость напоминала червячка. Этот червячок умудрялся потратить деньги так, что заказчики оставались довольны: в конце концов, жалуясь на неимоверную стоимость его работы, они могли похвастаться своим богатством.

Роуэн, например, жаловался на то, что винно-красные шелковые обои обошлись ему в сто пятьдесят долларов за рулон. Он недолюбливал хрустальную уотерфордскую люстру, отделанную двадцатью четырьмя каратами золота, которая украшала ванную, и хрустальные вентили кранов. Но самую активную неприязнь у Роуэна вызывала ваза эпохи Мин стоимостью двенадцать тысяч долларов, занимавшая почетное место на черном лакированном столике в

гостиной, несмотря на то, что он старался, чтобы каждый, впервые оказавшись в его доме, обратил на нее внимание. Роуэн, разумеется, не говорил гостям цену этой вещи – он не терпел вульгарности – но намекал, что досталась она ему не по дешевке.

Сегодня, стоя на балконе и глядя в ночную тьму, он думал, что и эта квартира в престижном районе, и ваза эпохи Мин – ерунда. Мелькнула мысль, что они вульгарны, словно дешевая шлюха, торгующая своими прелестями на углу. Пение цикад, мелькание стрекоз, крик одинокой ночной птицы, зовущей подругу, вдруг показались Роуэну единственным, что еще стоит внимания на этой земле.

«Господи, – подумал он, проводя рукой по влажным волосам, – откуда я набрался подобной философской дури?»

Снова закричала птица. На этот раз Роуэну показалось, что она дразнит его, говоря: «Ты не такой, каким был».

Да, он изменился и был вынужден признать это. Тот несчастный случай оказал на него огромное влияние. Сначала перемены были я столь незначительны, что Роуэн приписывал их разыгравшемуся воображению. В конце концов, они не поддавались никакому логическому объяснению. Как врач он затруднялся понять, что означают изменения, происходящие в его организме. Он даже не заметил бы их, если бы не занимался джоггингом и хуже знал свое тело. Используемый им во время бега прибор, регистрирующий ритм дыхания, сердцебиение и кровяное давление, показывал стойкое, хотя и незначительное снижение всех трех показателей.

Кроме того, периодически он отмечал непонятное обострение всех чувств. Внезапно шепот начинал казаться криком, тень – вспышкой, запах одеколona или духов становился невыносимым. Ему пришлось полностью отказаться от острой пищи. Сильнее всего изменялись тактильные ощущения. Иногда он мог представить, какой будет поверхность, даже не дотронувшись до нее. А иногда он ощущал прикосновения, которых не было. Например, в данную минуту Роуэн мог бы поклясться, что он чувствует на своей обнаженной груди тепло лунного света.

Он застонал. Неужели он сходит с ума? Нет, это всего лишь перенесенное потрясение. Тяжкое потрясение. Любой занервничает, чуть не утонув, а, чтобы успокоиться, нужно время. Если бы Стюарт, ведущий себя, как личный врач, а не как приятель, позволил бы ему выйти на работу, Роуэну было бы гораздо легче. А так слишком много времени оставалось на размышления. Вот в чем дело. Воспоминания о том, как он покинул свое тело и поплыл по темному туннелю, в конце которого сиял ослепительный свет, были лишь частью галлюцинации, и ничем более.

Он знал, что некоторые из его коллег сказали бы, что он пережил смерть, но сам не верил в подобную чушь. Не существует доказательств подобного опыта. Если ты умер, то это необратимо. Все очень просто. Он присутствовал при кончине некоторых своих пациентов. И не видел в смерти ничего величественного и благородного, а тем более загадочного и сверхъестественного. Люди просто перестают существовать.

Что касается Бога, то Роуэна вполне устраивал атеизм, религия людей практичных, смелых и склонных мыслить логически. Не считая святости, он сам был Богом. Ведь он был потомком многих поколений волшебников-хирургов. Его отец и дед были хирургами. Для них храмом являлась операционная, алтарем – операционный стол. Они своими руками возвращали жизнь людям, и не верили в Бога, появляющегося в потоках неземного сияния.

И все же он, как ни старался, не мог забыть исключительное чувство снизошедшего на него покоя, всепоглощающего, всепроникающего умиротворения.

Прежде, чем ты пересечешь рубеж, ты должен что-то совершить...

Эти слова Роуэн скорее почувствовал, нежели услышал. Они возникли в его мозгу неожиданно, словно в раскаленной пустыне повеяло прохладным ветерком. Что это значит? Роуэну хотелось разобраться в этом странном послании.

Но больше всего ему хотелось вновь обрести то, что было утрачено во время катастрофы. Тогда он потерял самое ценное, чем владел – способность держать происходящее под контролем. А ведь именно эта способность давала ему власть, волю, силы управлять своей непростой жизнью. Главное во время операции – контроль. От него зависит спасение человеческих жизней. Никто не понимал это лучше, чем сам Роуэн. Он умел контролировать свой разум и эмоции, не теряя самообладания в самых сложных ситуациях. Он мог управлять своим телом даже тогда, когда от усталости у него дрожали руки. Стюарт поддразнивал его, убеждая, что он – такой же смертный, как и все остальные, но Роуэн не позволял себе проявить обыкновенную человеческую слабость.

Но в Мехико он проявил себя обыкновенным человеком. На секунду он даже поверил, что, как любой, может умереть.

«Нет, – подумал он со своей обычной самоуверенностью, – даже тогда я не был обычным смертным! Разве смерти не пришлось отказаться от своей добычи!» Но что же все-таки произошло? Почему он не может собраться с мыслями? Что с ним творится? Что за странная сила приводит в смятение все его чувства?

Неожиданно тишину разорвал телефонный звонок. Обостренному восприятию Роуэна он показался хором тысячи колоколов, стремящихся перекричать друг друга. Морщась, Роуэн выругался и взглянул на часы. Черт возьми, он опоздал! Раньше он никогда не опаздывал. Как могло время пройти столь незаметно?

Телефон трижды прозвонил, прежде чем Роуэн схватил трубку.

– Знаю, знаю, – быстро сказал он. – Я опоздал.

На другом конце провода возникло замешательство, затем хриловатый голос Кей произнес:

– И тебе тоже привет, милый.

Ее голос, одновременно по-девичьи нежный и очень сексуальный, не переставал изумлять Роуэна.

– Извини, – он убрал со лба прядь волос.

– Плохой день? – Нет, – соврал Роуэн.

– Похоже, что все-таки плохой.

– Я просто скучаю. Очень хочется на работу.

– Милый, тебе напомнить, что ты едва не утонул?..

– Не надо. В течение недели все, кому не лень, только и делают, что напоминают, и мне осточертело это выслушивать!

Кей обиженно умолкла. Роуэн был готов откусить себе язык. Первой, кого он увидел, очнувшись, была Кей. Она настолько обрадовалась, что не могла говорить, и, упав рядом с ним, разрыдалась. Он всегда знал, что она любит его – Кей даже не пыталась это скрывать, – но не представлял себе всей силы и глубины этой любви. Помнится, тогда ему пришло в голову, что она заслуживает лучшей доли, нежели жизнь с самодовольным сукиным сыном, чьей основной любовью была и останется медицина.

Роуэн тяжело вздохнул:

– Извини, Кей. День выдался трудный. Да и вся неделя – хуже некуда, черт возьми!

Она всегда относилась к нему с пониманием:

– Если ты никуда не хочешь идти, я позвоню Стюарту...

– Не надо, – фальшиво произнес Роуэн. – Я хочу пойти туда.

Днем Стюарт звонил, чтобы сказать, что он заказал обед в модном ресторане, куда было очень трудно попасть. Ресторан находился в центре города. Стюарт всегда отличался склонностью к скоропалительным решениям. Роуэн не поинтересовался, как Стюарту удалось заказать столик в вышеупомянутом ресторане в субботу вечером. Он просто согласился прийти, несмотря на то, что первым его побуждением было отказаться. Ему никого не хотелось видеть.

– Слушай, звякни Стюарту и предупреди, что я опаздываю. Я заеду за тобой примерно через полчаса. Идет?

Кей замялась:

– Роуэн, ты уверен?

– Разумеется, – ответил он, поднеся трубку к другому уху – голос Кей неожиданно оказался ему чересчур громким, хотя Роуэн знал, что она говорит нормально.

– Я в своем черном платье. Тебе это ни о чем не говорит? – произнесла она, и он поставил себе ее чуть-чуть надутые губки...

Мысли. Образы. Женщина, одетая в облегающее черное платье, идет к нему, покачивая бедрами, и не сводит с него зеленых, словно морская вода, глаз... Это случилось год назад, на вечеринке, устроенной директором отделения радиологии. Роуэну не хотелось идти, но достойного предлога отказаться не нашлось. Поэтому он пришел, потрепался, как водится, с другими гостями, съел несколько безвкусных бутербродов и выпил пару бокалов хорошего импортного вина. Касаясь губами бокала, он заметил, что эта женщина глаз с него не сводит. Она уставилась на него без всякого стеснения, и Роуэн повел себя так, как повел бы любой нормальный американец – столь же беззастенчиво принялся разглядывать ее.

Игра началась.

В течение часа они следили друг за другом откровенно заинтересованными взглядами, но ни словом не перекинулись. Позднее он узнал, что ее зовут Кей Риган; что она – дочь одного из самых богатых людей штата, сколотивших себе состояние на нефти, что, выйдя замуж в девятнадцать лет, в двадцать она уже была разведена; что теперь, когда ей исполнилось двадцать девять, она работает в своем собственном клубе здоровья и поэтому носит очень короткую стрижку. На любой другой подобная прическа показалась бы мужской, но никак не на этой соблазнительной женщине, которая, наконец, приблизилась к нему.

– Не проводите ли меня домой? – поинтересовалась она.

– Я уж думал, вы и не спросите, – произнес в ответ Роуэн.

– Последний час я только и делала, что пыталась с вами заговорить. Похоже, вы не очень-то стремились ответить.

Он поставил стакан и, взяв под руку Кей, молча вышел. Все так же, не произнося ни слова, усадил ее в свой двухместный спортивный 5000SL. Они помчались сквозь жаркую техасскую ночь. Ветер бил им в лицо, ерошил волосы, а они продолжали свою чувственную игру. Единственное, что было сказано по дороге, – местонахождение дома Кей. Она жила в приятном, но не слишком модном районе. Кей и Роуэн молчали, говорили лишь их взгляды. Не сводя друг с друга глаз, они подошли к двери. Кей открыла дверь своим ключом и впустила его, но, прежде чем она успела протянуть руку к выключателю, Роуэн, захлопнув за собой дверь, прижал к ней Кей и принялся жадно целовать.

То, что произошло потом, ему никогда не забыть. Они не добрались до спальни и занимались любовью прямо в гостиной, даже не раздевшись. Он прижимал ее к твердой деревянной двери. Когда все закончилось – потребовалось совсем немного времени, ибо оба были распалены сильнее, нежели полуденное солнце среди лета, – черное платье было задрано до пояса и измято, а в руке Кей был по-прежнему зажат ключ от квартиры. Они оба расхохотались. Так и познакомились.

Позже, когда был выпит кофе, она призналась, что никогда прежде не позволяла себе ничего подобного. Несмотря на то, что это казалось наивным, он поверил. Эти светло-зеленые глаза не лгали. Она увидела его, захотела и пошла вслед за ним. Он понимал и одобрял подобную откровенность.

Когда розовое, словно устрица, солнце показалось на небосклоне, Кей с той же прямоотой спросила:

– Ты женат?

– Да, – ответил он. Роуэна поразило, что на ее лице при этом известии ничего не отразилось. Она была готова отнестись к проведенной ночи без сомнительных сожалений. Он восхитился ею и добавил: – Моя жена – медицина. – На сей раз, в глазах Кей он прочел облегчение.

Она пожала обнаженными плечами. Разговор происходил уже в постели, черное платье было забыто на стуле.

– С такой соперницей я готова потягаться, – произнесла Кей. – Спорим на что угодно, доктор Джейкоб, что еще до конца года вы будете женаты... на мне?

Встретив решительный взгляд зеленых глаз, Роуэн предпочел не спорить. Как выяснилось, он все равно проиграл бы. Безукоризненный бриллиант в два карата на пальце Кей и свадьба, назначенная на конец июня, служили тому доказательством.

– Роуэн?

Когда он осмеливался быть честным сам с собой, Роуэн понимал, что его отношение к этому браку, мягко говоря, является неоднозначным. Он не лгал, заявляя, что женат на своей работе, и знал, что, несмотря на все его старания, он только получает, а жертвовать всегда приходится Кей.

– Роуэн?

Он знал, что это нечестно по отношению к ней. Иногда Кей даже жаловалась, что его профессиональное равнодушие и хладнокровие хирурга влияют на его личную жизнь. Создается впечатление, что он всегда погружен в себя.

– Милый, ты еще здесь?

Ее голос прервал поток его мыслей, и Роуэн с удивлением обнаружил, что все еще держит в руке телефонную трубку. Подобная задумчивость, так не вяжущаяся с обычной ясностью мысли, встревожила его.

– Да, да, – отозвался он.

– Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Что?

– Черное платье. Дорогой, ты уверен, что с тобой все будет в порядке?

Черное платье. Теперь он вспомнил. И, как всегда, воспоминания возбудили его.

– Все хорошо, – сообщил он и добавил: – кстати, о платье: мне в голову пришли кое-какие мыслишки...

– Вот и хорошо, – призывно промолвила Кей.

Когда Роуэн повесил трубку, ее сексуальный голос все еще звучал у него в ушах. Он решил, что был просто выдающимся дураком. Хорошая ночь любви – а Кей в постели превосходна – как раз то, что нужно, чтобы удачно закончить эту отвратительную неделю. Ему бы радоваться, а не ныть. Он мог умереть, черт возьми, но остался в живых. Благодаря друзьям он все еще жив. Все в порядке, если не считать эмоциональной травмы. С этим согласится любой психиатр. Кроме того, в понедельник утром он отправится на работу в больницу, и жизнь снова войдет в колею. К понедельнику он станет прежним.

Правда?

Вот именно, мать вашу!

Меньше чем через полчаса Роуэн, одетый в темно-синие брюки и подходящий по цвету жакет, вышел из дому. Сегодня он чувствовал себя прекрасно и предпочел выбросить из головы тот факт, что ему пришлось перебрать кучу рубашек, прежде чем выбрать ту, которая не раздражала ставшую чрезмерно чувствительной кожу. Кроме того, он не воспользовался дорогим одеколоном, стоявшим на ночном столике, и не обратил внимания, что винно-красные обои кажутся невыносимо, кричаще-яркими...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Роуэн как-то слышал, что надо быть благодарным судьбе за малые милости... Он никогда в полной мере не разделял этого утверждения, но теперь, по дороге в ресторан, проникся им. Если бы не машина, он бы не выдержал. Запах духов Кей невыносимо ранил его обострившиеся чувства.

Точно так же Роуэна раздражали ее постоянные прикосновения. Он ненавидел себя за подобные мысли, но ничего не мог поделать: непрерывное поглаживание и ласки стали ему отвратительны. Роуэн был сам себе противен, тем более что прекрасно понимал причину ее навязчивости – с момента трагедии Кей надо было постоянно касаться его, чтобы убедиться, что он действительно здесь, и в самом деле жив. Это было так естественно и по-человечески понятно. Даже лестно. И приводило Роуэна в замешательство: ну почему, почему он не может ответить тем же?

Роуэн понимал: причина в том, что с момента катастрофы он сильно изменился. Причина этих изменений оставалась неясной, но теперь прикосновения Кей, так же, как и ее духи, казались тяжелыми, удушающими, заставляли его чувствовать себя... Роуэн не мог до конца разобраться в своих ощущениях. Пожалуй, он чувствовал себя одиноким. Прикосновения Кей заставляли его остро ощутить свое одиночество, и ему чудилось, что какая-то его часть отсутствует, а ее действия, вместо того, чтобы умиротворить его, восполнить недостающее, лишь усиливали эту щемящую пустоту. Ранее Роуэну не приходилось испытывать ничего подобного.

Напротив, он всегда был доволен собой и не нуждался ни в ком и ни в чем. Например, когда после их помолвки, состоявшейся полгода назад, Кей хотела переехать к нему, Роуэн отказался, напомнив ей, что у него ненормированный рабочий день. Тогда Кей поинтересовалась, будет ли этот день нормированным после женитьбы, на что он ответил: «Нет, наверно, нет...» Список всевозможных «но» все рос и рос, пока Кей не обиделась, а Роуэн не пришел в бешенство. Злился он не на Кей, а на себя. Почему ему так необходимо сохранить свою независимость? Разве его убудет, если он станет более открытым? Но даже когда Кей дала ему ключ от своей квартиры, он не смог ответить ей тем же. Несмотря на то, что ее это очень задело, она не произнесла ни слова. Роуэн же лишний раз подивился, что заставляет его так сильно цепляться за свое одиночество.

После катастрофы эта больная тема вновь всплыла на поверхность. На следующий же день после возвращения из Косумеля Кей снова завела речь о том, чтобы переехать к нему. В конце концов, до свадьбы осталось лишь несколько недель. Кроме того, сейчас ему не стоит оставаться одному... По правде говоря, оставаться одна не могла именно Кей, но Роуэн не стал говорить ей об этом. Вместо этого он заверил ее, что прекрасно чувствует себя, и что, если уж эту неделю ему придется провести без работы, он намеревается почитать медицинские журналы, на которые у него вечно не хватало времени. Ей будет скучно. Честное слово. Кроме того, добавил Роуэн, стремясь свести все к шутке, он не может рисковать, позволив ей еще до свадьбы обнаружить, какой он плохой сосед...

Кей не успокоилась.

Но и Роуэн не сдался.

Кей приходилось изобретать все новые предлоги, чтобы прикоснуться к нему, а Роуэну ничего не оставалось, как терпеть это. Ясно, что он негодяй, но ведь не настолько же...

– Роуэн, ты меня даже не слушаешь. Он повернулся к ней и соврал:

– Конечно, слушаю.

– Ну и что я сказала? – с вызовом спросила она.

Роуэн понятия не имел. Даже под дулом пистолета он не смог бы ничего сказать.

– Что на свадьбе будет шоколадный торт, – нашелся он.

– Это было пять минут назад. В каких облаках ты витал, Роуэн?

Этого он тоже не знал. Его мысли витали где-то далеко, а где – он и сам не понимал.

– Я сказала, – восторженно повторила Кей, считая, что предмет беседы был слишком важен, чтобы по-детски препираться из-за невнимательности Роуэна, – что я нашла великолепное черное неглиже. По-моему, в данных обстоятельствах черный – самый подходящий цвет для медового месяца. Как ты считаешь?

Он почувствовал, что ее рука, лежавшая на его бедре, провокационно сжалась. Через секунду он понял, что она заскользила по направлению к паху. Раньше Роуэн только приветствовал бы подобную вольность, но теперь он нежно взял руку Кей в свою. Это удивило его. Она же сочла этот жест согласием на черное неглиже, не заметив, по-видимому, что ее эротические поползновения остались без ответа.

Судя по всему, она не обратила внимания и на то, сколь пресным был их поцелуй. Вместо того, чтобы участвовать в нем самому, Роуэн просто позволил Кей целовать себя. Несмотря на то, что он надеялся ощутить прежнюю страсть и прилив желания, Роуэн не почувствовал ничего. С тем же успехом он мог бы поцеловать свою сестру или тетюшку. Подобное равнодушие удивляло и беспокоило его.

– Оно прозрачное, – сказала Кей, – отделано кружевами и атласом, а спереди – наводящий на очень греховные мысли разрез.

Роуэн попытался представить ее в этом наряде, и воображаемый образ всколыхнул в нем чисто мужские чувства.

– Звучит соблазнительно, – с облегчением произнес он.

– Думаешь, стоит купить?

– Разумеется. Можно даже два. Она хрипловато, с придыханием рассмеялась:

– Чтобы снять, хватит и одного. Сжав руку Кей, Роуэн почувствовал себя прежним. Это было очень приятно. Так приятно, что в ту же секунду, как он поставил машину на стоянку и заглушил мотор, Роуэн потянулся к Кей, обнял ее, и, крепко прижав к себе, поцеловал в накрашенные ярко-красной помадой губы. Он приоткрыл рот, приглашая Кей последовать его примеру. Их языки ласкали друг друга. Он жадно целовал ее, словно наказывая ее и себя за то, что она не вызвала у него подобной реакции раньше. Оторвавшись от губ Кей, Роуэн обнаружил, что запах ее духов перестал беспокоить его. Обострение восприятия куда-то ушло, как бывало раньше, не дав ему разобраться в причинах своего неожиданного появления и столь же внезапного исчезновения. Роуэна захлестнула волна оптимизма, и показалось, что он сможет избавиться себя от подобных проблем навсегда. Разве он не обладает железным самоконтролем?

– Это в честь чего? – спросила, задыхаясь, Кей.

– Депозит, который будет востребован в конце вечера, – с этими словами Роуэн распахнул дверь машины, и добавил: – Пойдем скорее, я вдруг понял, что ужасно проголодался.

Кей схватила его за руку, не дав выйти из машины. Искренне и прямо глядя ему в лицо, она произнесла:

– Роуэн...

На секунду замявшись, Кей спросила:

– С тобой в самом деле все в порядке? – и, не дав ему ответить, продолжила: – Я не вынесу, если с тобой что-нибудь случится. Когда я подумала, что ты утонул, я... – тут ее голос затих, а глаза наполнились слезами.

Роуэн погладил ее по щеке. На ладонь ему скатилась слеза.

– Со мной все в порядке, Кей, – он был тронут глубиной ее чувств. Роуэн завидовал Кей, ибо только что она заставила его ясно понять то, о чем он и так догадывался: у него не было ее способности любить. Роуэн вдруг четко осознал, что гораздо важнее любить, чем быть любимым, ибо лишь любовь способна заполнить сердечную пустоту.

Марк Хаген был худ, неуклюж и обладал, пожалуй, самой непривлекательной внешностью, какую только доводилось видеть Роуэну.

По крайней мере, так решил Роуэн, встретившись с ним впервые шесть лет назад. Теперь, несмотря на то, что лицо Марка было изборождено маленькими шрамами от заживших угрей, руки и ноги были длинными, словно у обезьяны, а волосы имели странный грязновато-желтый цвет, Роуэн замечал лишь его блистательный ум, великодушие и чувство юмора. Он был чертовски хорошим человеком, прекрасным другом и превосходным врачом. Марк был лучшим онкологом в больнице; многие говорили – и Роуэн был склонен верить, – что он является одним из лучших в стране.

Жена Марка, Сьюзен, была необыкновенно привлекательна. У нее были короткие вьющиеся темные волосы и чуть вздернутый носик. Сьюзен напоминала куклу. Она обожала своего мужа, как, впрочем, и он ее. Они были единственной известной Роуэну счастливой семейной парой, и этот факт весьма беспокоил его в преддверии собственной свадьбы.

Блистательный Стюарт Кистерсон представлял собой полную противоположность этим двум относительно тихим людям.

Врач-гинеколог был широкоплеч, его живот давно грозил превратиться в брюшко, и, по мнению всех друзей, Стюарт был редким оригиналом. Никто не вел более бесшабашную жизнь, нежели старина Стю, никто не нарушал больше правил. Он мошенничал, играя в гольф, дымил, как паровоз, и был потрясающим бабником. В настоящее время его пассией являлась Жаклин Орантас – Джекки О. – брюнетка-медсестра из отделения «неотложной помощи». Она была компетентна, мила и хороша собой. Ярро-розовый купальник, который она носила в Косумеле, дал всем насладиться зрелищем ее соблазнительно-пышной фигуры.

Как только Роуэн и Кей вошли в ресторан, они сразу увидели Марка, Сьюзен, Стюарта и Джекки. Все четверо сидели за маленьким столиком в баре и о чем-то беседовали. Сапфирово-синее платье Джекки О. было весьма смелого покроя, и девушка с трудом уместилась в нем.

– Господи, – прошептала Кей, – и что в ней находит Стюарт?

Подобная язвительность была совершенно не в духе. Кей, и Роуэн посмотрел на нее, изумленно вскинув бровь:

– Она тебе не нравится?

– Женщины с маленькой грудью никогда не доверяют большегрудым. Закон жизни.

Роуэн усмехнулся. Со времени их последней ночи прошло так много времени, что теперь он почувствовал себя не слишком комфортно. Но это было даже приятно. Хорошее настроение, охватившее его несколько минут назад в машине, усилилось, когда он увидел друзей и услышал ехидное замечание Кей. Он внезапно порадовался, что Стюарт заставил его принять приглашение на этот вечер. Это было как раз то, что доктор прописал!

– Я не любитель пышных бюстов, и тебе это известно, – заметил Роуэн, когда они направились к столику друзей.

– И это здорово, правда?

Стюарт заметил их первым и вскочил.

– Чертовски вовремя! – провозгласил он, хлопнув по спине Роуэна и чмокнув Кей в щеку. – Где вы шлялись?

– Извини за опоздание, – сказал Роуэн. – Я виноват – не заметил, как пролетело время.

– Это ты не заметил? – изумился Марк. – А я-то думал, что по тебе ежедневно сверяют Биг Бен!

– Сегодня не сверяли, – и Роуэн с отсутствующим видом провел пальцем по жесткому, накрахмаленному воротничку своей рубашки в красную полоску.

– Зато теперь вы здесь. – Ласково взглянув на него, Сьюзен добавила: – Мне нравится твое платье, Кей.

Кей улыбнулась и крепче сжала руку Роуэна.

– Спасибо. Это одно из любимых платьев Роуэна, правда, дорогой?

– Ага, – отозвался он, и, взглянув в ее глаза, опустил руку так, что теперь она лежала почти на бедрах Кей. Этот знакомый, приятный жест убедил Роуэна в том, что с этого момента все его проблемы решатся сами собой.

Темноволосая Джекки принялась двигать свой стул, чтобы освободить место для двух других, но Стюарт остановил ее:

– Пойдем к столу. Его держат для нас, – предложил он и, подозвав метрдотеля, перекинулся с ним парой слов, после чего вновь обратился к друзьям: – Пойдем. Стол накрыт.

– Я не спрашиваю, как тебе удалось в последнюю минуту заказать здесь столик в субботу вечером, – обратилась к нему Кей, когда все шестеро вошли в зал. – И как ты заставил их придержать его для нас.

– Бартер, – ответил Стюарт. – По принципу «я – им, а они – мне».

– Это следует понимать так, что ты пообещал дражайшей половине метрдотеля бесплатное обследование? – поинтересовался Марк.

Все рассмеялись. Роуэн отнюдь не был уверен, что в этой шутке нет солидной доли правды. Должно же быть логическое объяснение способности Стюарта совершать невозможное.

После того, как все уселись, официант спросил, чего они желают выпить.

– Бутылку вашего лучшего шампанского, – немедленно откликнулся Стюарт.

– Да, сэр, – произнес официант. На нем был смокинг и свежая накрахмаленная рубашка.

– А по какому поводу? – заинтересовалась Джекки.

– Хочу порадовать сборище друзей, – ответил Стюарт.

– Лучшего повода не придумаешь, – согласился Марк.

– И мне нравится, – добавила Сьюзен. Роуэн понимал, что причиной для столь широкого жеста со стороны Стюарта послужили события минувшей недели. После того, что произошло, или, вернее, едва не произошло, сбор всех друзей был весьма к месту. Но Роуэн знал, что сляпывающую сентиментальность Стюарт любит не больше, чем он сам.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась Сьюзен, подтвердив этим, что все подумали о его чудесном спасении.

– Прекрасно, – и он снова, сам того не замечая, провел по воротничку рубашки.

– Как ты провел эту неделю? – спросил Марк.

– Паршиво, – признался Роуэн. – Мне хотелось снова оказаться в операционной.

– Я так понял, что в роли пациента он невыносим, – заметил Стюарт, обращаясь к Кей, сидевшей между ним и Роуэном.

– Честно говоря, не знаю, – тихо ответила Кей, стараясь, против обыкновения, не смотреть на Роуэна. – Ты же в курсе, какой он – не любит, чтобы о нем кто бы то ни было заботился.

Роуэн почувствовал в ее голосе обиду. Его заинтересовало, заметил ли это еще кто-нибудь. Очевидно, Кей не забыла их ссор по поводу ее переезда. А чего он ждал? Роуэн почувствовал себя последней сволочью. Положив руку на спинку стула Кей, он провел пальцем по ее лопатке:

– Не могу рисковать тем, что она сбежит от меня накануне свадьбы, – объяснил он.

Кей промолчала, но, по-видимому, никто не заметил напряжения, возникшего между ними. Роуэну пришло в голову, что надо бы послать ей цветы, но затем он передумал. Кей не относилась к тем женщинам, от которых можно откупиться подарком.

К счастью – по крайней мере, Роуэн обрадовался перемене темы – именно в этот момент появился официант с шампанским. После того, как Стюарт попробовал вино, официант наполнил бокалы и поставил бутылку в ведерко со льдом.

– Тост, – произнес Роуэн, и все повернулись к нему. Он не хотел впадать в мелодраматический тон, поэтому просто сказал: – За хороших друзей, которые всегда оказываются рядом тогда, когда нужна помощь!

– Прекрасно, – заявил Стюарт.

– За это надо выпить, – поддержал Марк.

Зазвенели бокалы. Тонкий звон хрусталя, по-видимому, пробудил страх Кей. Ее рука скользнула на бедро Роуэна. Он заметил это, поднося бокал к губам.

Он пригубил вино.

Золотистая жидкость обожгла ему язык. Раньше Роуэну никогда не приходилось ощущать крохотные уколы пузырьков столь остро и ясно. Это изумительное чувство захватило и ошеломило его, но в то же время напугало: он понял, что больше ничего не способен воспринимать, кроме сухого, терпкого вкуса, пронзающего все. Затем он почувствовал фруктовый привкус винограда, и, что было совсем уж невероятно, тепла солнца, под которым созревали эти грозди. Он чувствовал вкус солнца! И все же вино было не просто прохладным, а холодным, как лед. Чистый, пугающий холод.

Он сделал глоток.

Словно удар молнии, глоток шампанского ударил ему в голову, заставляя Роуэна почувствовать себя столь же невесомым и легким, как облака. Единственное сравнение, пришедшее ему на ум, заставляло вспомнить инъекцию какого-нибудь сильнодействующего наркотика, изменяющего восприятие. Потом Роуэн уже не мог думать ни о чем, ибо голова у него тотчас закружилась, и он превратился в пьяницу, еле стоящего на подгибающихся ногах. Но все же он не настолько опьянел, чтобы не понимать, что с ним происходит что-то странное.

– Вся эта неделя прошла весьма странно, – прозвучал голос в его одурманенной голове.

– Ну, конечно, – ответил другой голос, – это наше первое столкновение с алкоголем. Кто бы мог подумать... подумать... подумать...

И тут его разум стал ясен столь же неожиданно, как прежде затуманился.

– Тебе плохо, милый? – шепотом спросила Кей.

Роуэн обвел глазами друзей, выясняя, не пришел ли еще кому-нибудь в голову подобный вопрос. Слава Богу, нет. Никто не обращал на него внимания, все были поглощены рассказом Стюарта о какой-то истории, приключившейся в больнице.

– Нет, все в порядке, – прошептал в ответ Роуэн и поставил бокал на стол, спешно придумывая, как бы отвертеться от дальнейших возлияний.

– Как подвигаются приготовления к свадьбе? – поинтересовалась Сьюзен.

Разумеется, это была одна из любимых тем Кей, и, немедленно забыв все остальное, она улыbnулась:

– Прекрасно. Мы уже договорились со священником...

– Со священником? – переспросил Марк.

Только не говорите мне, что этот язычник собрался венчаться!

Вертя в руках бокал, Роуэн предостерег друга:

– Только не воспринимай это слишком серьезно.

– А где вы собираетесь праздновать? – спросила Сьюзен.

– В клубе, – сообщила Кей. – Ничего особенного, маленькая вечеринка для друзей.

– Если можно назвать сборище, на котором будет присутствовать тысяча человек, «маленькой вечеринкой», – перебил ее Роуэн.

Кей игриво ткнула его локтем:

– Мы вовсе не приглашали тысячу гостей.

– Прости, – покаялся Роуэн, – я забыл. Их будет всего девятьсот девяносто девять. Все рассмеялись.

– А как твои родители? – обратился к Роуэну Стюарт. – Смогут ли они приехать?

Родители Роуэна жили в Атланте. Его отец, тоже врач, недавно вышел на пенсию.

– Естественно, – Роуэн продолжал вертеть бокал, – ты же не думаешь, что они позволят своему единственному сыну жениться без них?

– За тех, кто уже почти поженился! – провозгласил Марк.

– Пьем, пьем, – поддержала его Сьюзен, Стюарт не преминул добавить:

– Никак не пойму, зачем Кей понадобилось выходить замуж за этого самонадеянного ублюдка!

Все расхохотались и чокнулись. Роуэну ничего не оставалось, как присоединиться к друзьям. Он взял бокал, чокнулся со всеми и поднес его к губам. Сделав самый крошечный глоток, он приготовился к потрясению.

Ничего не произошло.

Он не почувствовал ничего, кроме знакомого вкуса шипучего вина и прохладного покалывания пузырьков. Осмелев, он пригубил снова. И на этот раз ничего не изменилось. Нет, он почувствовал какой-то толчок, но не ощутил ничего даже отдаленно похожего на ту бурную реакцию, которую вызвал у него самый первый глоток. Как всегда, странное обострение чувств ушло неведомо куда. Роуэн с облегчением откинулся на спинку стула.

– Жаль, что вас не было на вчерашнем собрании, – начал Стюарт и на несколько минут завладел всеобщим вниманием, рассказывая о том, как двое их коллег чуть было не подрались.

Роуэн улыбался в нужных местах, а сам попивал вино, главным образом проверяя, нормально ли он воспринимает его вкус. Все было в порядке, хотя иногда возникало некое странное, но достаточно приятное чувство.

– Ну, эти парни были уже готовы сцепиться, когда...

Роуэн слышал негромкий, несколько монотонный голос Стюарта, но тот вдруг зазвучал тише, словно Стюарта отделил от него туннель, а затем загремел с новой силой. Это ничуть не обеспокоило Роуэна. Ему было тепло и уютно. Чувствуя себя потрясающе спокойно, он глотнул еще немного шампанского.

Поморгав, он заставил фигуру Стюарта не расплываться перед глазами. Слегка помелькав, тот снова вошел в фокус. Роуэн подумал, что не мешало бы проверить зрение, и опять выпил вина. Теперь оно даже казалось вкусным.

– Кеплер сказал им, чтобы они успокоились или же выясняли отношения на улице, – продолжал рассказ Стюарт.

«Право же...

Нет, лево...

Неужели у меня начали дрожать руки? – изумился Роуэн, ставя бокал на стол. – Да. Нет. Все может быть. Какое это имеет значение? Главное, что от этой рубашки невыносимо чешется кожа». Не думая о том, как это будет смотреться со стороны, он ослабил узел галстука и растянул верхнюю пуговицу. С первой попытки это сделать не удалось – дрожала рука. Роуэн чувствовал, что у него на шее появилась красная, раздраженная полоска. Она горела, словно клеймо.

– Естественно, мы все вышли следом за ними в коридор, – продолжал свой рассказ Стюарт.

Его голос словно доносился с высокой горы. Роуэн слышал и другие звуки – приглушенное звяканье столового серебра о тарелки, негромкий гул голосов, сливавшихся в некую сюрреалистическую симфонию. Его окружали десятки запахов – ароматы пищи, цветов, духов. Звуки и запахи сливались, смешивались, и вскоре Роуэн уже не различал их. Он ощущал запах голосов, слышал запахи. Голос Стюарта пах черным кофе, духи Кей звучали гимном одиночества – он уже слышал эти ноты раньше. Неужели он пьян?

Может быть.

В ушах шумело все громче, а голова превратилась в воздушный шар, наполненный гелием.

– Ну, вот, они стояли рядом с лифтами, – произнес Стюарт и добавил: – тебе это должно понравиться, Роуэн...

Роуэн услышал свое имя, попытался взглянуть на Стюарта, но обнаружил, что его внимание привлекла женщина, сидящая за третьим столиком сбоку. Это была брюнетка средних лет. Ее нельзя было назвать красавицей, но она была достаточно привлекательна. Женщина улыбалась сидевшему рядом с ней мужчине. Это был ее муж. Роуэн не представлял, откуда ему это известно, но был совершенно убежден в своей правоте. Кроме того, он знал, что, несмотря на то, что женщина улыбается, ей грустно. Муж завел себе любовницу, и она не знает, что предпринять. Мужу было стыдно, очень стыдно. Он жаждал объяснить жене, что с любовницей покончено, и вымолить прощение, но боялся. Роуэн чувствовал печаль женщины, стыд и страх мужичины, словно свои собственные. Ему стало очень тяжело и невыносимо больно.

Роуэн хотел было встать и подойти к этой паре, но в этот момент голова у него закружилась так, словно в мозгу танцевала, кружась и извиваясь под неслышную и все же пронзительную музыку, компания дервишей. И тут он почувствовал, что кто-то счастлив. Роуэн поднял голову, разыскивая источник этого яркого ощущения. Оно пришло от мужчины на другом конце зала. Он ликовал по поводу какой-то очень удачной сделки и был страшно голоден.

Чужие чувства буквально обрушились на Роуэна. Женщина, сидящая с другой стороны прохода, радовалась тому, что у нее будет ребенок, кто-то грустил, кто-то был счастлив, предвкушая встречу с любимым человеком. Роуэн улавливал эмоции, вибрировавшие за его собственным столом. Они летели к нему, словно летучие мыши из темноты. Марку и Сьюзен можно было только позавидовать: они были спокойны, счастливы и довольны своей жизнью. Кей безумно, безгранично любила его. Джекки О. была обеспокоена, возбуждена и размышляла о том, что он, Роуэн, представляет собой в постели. Стюарт был влюблен. Стюарт – и любовь? Несмотря на то, что Роуэн был пьян, это открытие поразило его. Кого же он любит? – заинтересовался Роуэн. Джекки О.? Нет, Кей. Неожиданно Роуэн понял это.

Ему хотелось поразмыслить на эту тему, но чувства все летели к нему, наслаивались друг на друга, проникая в его тело и душу, переполняя и опустошая его своим мощным воздействием. Они все были дороги Роуэну, и он испытывал боль. У него болела душа при мысли о всех этих людях, особенно о тех, кто в настоящее время страдал.

«Замолчи!» – подумал он.

– Значит, так, – повторил Стюарт, – они стояли рядом с лифтами, двери постоянно закрывались и открывались, а Литлтон в это время душил Грейвза стетоскопом.

«Прекратите, пожалуйста», – умолял про себя Роуэн.

– Ей-богу, он душил его стетоскопом! «Замолчите!» – беззвучно кричал Роуэн нахлынувшим на него чувствам. Сидящие за столом засмеялись.

– Черт возьми, я же сказал...

...ПРЕКРАТИТЕ!

Смех немедленно стих. Пять пар глаз уставились на Роуэна. В них засветилось удивление.

– Прекратите, – повторил Роуэн, пытаясь подняться из-за стола. У него подогнулись колени, и он мешком свалился на стул, попутно опрокинув бокал с шампанским.

Кей задохнулась.

Сьюзен вскрикнула.

Марк и Стюарт одновременно вскочили с мест.

На них уже смотрели соседи.

Стюарт первым добрался до Роуэна.

– Заставь их замолчать, – попросил тот.

– Кого? – спросил Стюарт.

– ...Уменявголове... – нечленораздельно произнес Роуэн, смешав все слова в единое целое.

– Господи, да он пьян! – воскликнул Марк.

– Не может быть, – возразил Стюарт. – Он не выпил и бокала шампанского.

– Пьян? – повторил вслед за Марком Роуэн. – Разве я пьян?

– Полегче, – предостерег Стюарт, когда Роуэн снова попытался встать. Они с Марком взяли его под руки и помогли подняться.

– Проблемы? – спросил невесть откуда взявшийся официант.

– Нет, – ответил Марк. – Наш друг просто плохо себя чувствует.

– Давайте выйдем, – предложил Стюарт. – Ему нужно подышать свежим воздухом.

– Воздух? Мне нужен воздух, – промямлил Роуэн. – Кей? – окликнул он, увидев свою невесту. Он хотел попросить ее прогнать все чувства, но не смог найти нужных слов.

– Я здесь, дорогой, – спокойно отозвалась она, встревожено глядя на него. Схватив сумочку, Кей сказала Марку и Стюарту: – Пойдем!

Кей шла первой, мужчины шли за ней, держа Роуэна, а Сьюзен и Джекки замыкали эту печальную процессию. Роуэн чувствовал, что его волокут вперед так, что он словно скользит по воде. Его все еще осаждали чужие чувства – счастье и боль, страх и восторг, слитые воедино. Когда они вышли из зала в пустое фойе, чувства исчезли, как будто их и не было.

– Ушли, – попытался пробормотать он, но боялся произнести хоть слово. Может, эта мысль лишь на секунду мелькнула в его затуманенном алкоголем мозгу. Пьяный. Разве он пьян? Ведь он никогда не пил много. Он не напивался с тех пор, как... Собственно, он не помнил, когда последний раз был пьян, и это заставило его предположить, что он гораздо сильнее напился, чем казалось вначале.

Под конец, сомневаясь, что Кей справится с Роуэном в одиночку, они решили, что Стюарт поведет «мерседес», Кей поедет в машине Стюарта, а Марк и Сьюзен отвезут домой Джекки. По дороге домой Роуэн отключился и пришел в себя лишь тогда, когда Стюарт чуть ли не на руках внес его в дом.

– Извини, приятель, – произнес Стюарт, задев Роуэна об стену.

Роуэн застонал.

Оказавшись в красно-черной спальне, Стюарт опустил друга на кровать и принялся расстегивать на нем ремень. Отшвырнув сумку, Кей уперлась коленом в матрас и, сняв с Роуэна развязанный им ранее галстук, начала расстегивать рубашку. Снять ее с Роуэна оказалось трудно, но Кей справилась с этой задачей и заметила красное кольцо на его шее.

– Что это?

Стюарт поднял глаза. Он снял с друга ботинки и носки и теперь сидел на полу. Встав, Стюарт осмотрел раздраженную кожу и провел по ней пальцем:

– Похоже, натер рубашкой. Наверно, воротничок был слишком сильно накрахмален, – оставив шею Роуэна в покое, Стюарт произнес: – Давай, приятель, встанем и снимем штаны, а потом как следует укроемся.

Пытаясь расстелить постель, не выпуская при этом Роуэна, он заметил кучу валявшихся на кровати рубашек:

– Что за чертовщина?

Кей сбросила их на пол и помогла Стюарту уложить Роуэна, который теперь остался в одном трикотажном белье.

Когда Кей укрывала его, Роуэн открыл глаза и, увидев Кей – честно говоря, двух Кей, – пробормотал:

– Свет. Яркий свет.

Она подумала, что он говорит о лампе, и выключила ее. Теперь комнату освещал лишь свет, проникавший из коридора.

– Нет, – прошептал Роуэн. – Свет... яркий... умер... Я умер.
– Не думай об этом, милый. Все позади. Ты здоров.
– Ты... не... понимаешь. Я должен что-то сделать... – Роуэн попытался отбросить покрывало и сесть.
– Не надо, дорогой, – Кей уложила его обратно. – Все, что надо, ты сможешь сделать завтра.
– Нет... я должен что-то сделать... до того, как уйти...
– Спокойно, приятель. – Стюарт удержал Роуэна.
– Стюарт? – спросил тот, словно только что увидел друга.
– Да, это я. Почему бы тебе не поспать?
– Кажется, я пьян, – объявил Роуэн.
– Мне тоже так кажется.
– Стюарт?
– Ну, что?
– Все в порядке.
– Разумеется.
– Я имею в виду Кей.
– Хорошо. Спи.
– О чем это он? – спросила Кей. Стюарт пожал плечами:
– Не знаю.
Через несколько минут дыхание Роуэна стало спокойным.
– Отключился, – констатировал Стюарт, стоя рядом с Кей у постели приятеля. – Ты остаешься с ним?
– Да, – ответила Кей, не высказав вслух, что Роуэн, возможно, не обрадуется этому. Стюарт кивнул:
– Хорошо. Проводи меня до двери. Когда они оказались в коридоре, Кей спросила:
– Он здоров, правда?
– Просто пьян.
– Как он мог напиться, если не выпил даже бокала шампанского? А до этого ничего не пил.
– Не знаю, – признался Стюарт. Его тоже занимал этот вопрос, но, чтобы успокоить себя и Кей, он добавил: – Алкоголь на всех действует по-разному.
– Но раньше никогда...
– Кей, – дойдя до двери, Стюарт повернулся и положил ей руку на плечи. – Прекрати волноваться.
Она улыбнулась:
– Будет сделано, сэр.
– А теперь ложись спать сама. Кей поцеловала его в щеку, добавив:
– Что бы я без тебя делала?
Темные глаза Стюарта потемнели еще сильнее, но он промолчал. Он сжал ее плечи, а затем быстро отпустил, словно боялся, что, если не отпустит сейчас, то не найдет в себе сил расстаться. Выходя, он еще раз обернулся, торопливо сказал:
– Если понадобится, звони, – и ушел. Кей смотрела, как он садился в машину, как фары зажглись, а потом растаяли в ночи. Она закрыла дверь. Тихо вернулась в спальню, выключив по пути свет везде, кроме коридора.
Роуэн спал. Вздыхнув, Кей опустилась в кресло обтянутое винно-красной и черной тканью, и, сняв черные туфли на высоком каблуке, откинула голову. И тут она заметила, что ее черное платье, на которое возлагались такие надежды, спереди залито шампанским. На сердце

у Кей было очень тяжело. Что-то было не так. Совсем не так. И она понятия не имела, что именно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Роуэн проснулся от невыносимой головной боли. Он не помнил, чтобы когда-нибудь так мучился с похмелья. Последний раз он сильно напился в колледже, когда отмечал вместе с парнями победу техасской футбольной команды. Они пьянствовали до утра, потом его вывернуло наизнанку и он вырубился. Но даже в тот раз, проспавшись, он не чувствовал себя столь паршиво. После полной бутылки виски ему не приходилось страдать так, как этим утром, выпив всего лишь бокал шампанского. Он вспомнил, что половину расплескал, следовательно, не выпил и бокала.

Роуэн не мог вспомнить, почему разлил вино. Нет, подождите... Произошло нечто странное, припомнил он, хватаясь за спинку кровати. Он сел, и у него закружилась голова. Голова? И тут он вспомнил, как на него нахлынули чувства всех, находившихся в ресторане. Там была женщина, которой изменял муж, и другая, узнавшая о том, что беременна. Он почувствовал ощущения своих друзей – счастье Марка и Сьюзен, возбуждение Джекки, любовь Кей к нему и любовь Стюарта к Кей.

«Господи, что со мной творится?» – подумал Роуэн, проводя пальцами по волосам. Ощущение было такое, словно с него содрали кожу. Он поморщился.

– По-видимому, спрашивать о твоём самочувствии излишне? – тихо спросила Кей, стоявшая рядом с дымящейся чашкой кофе.

Роуэн вскинул голову. В мозгу словно взорвался фейерверк. Он и не подозревал, что находится дома не один. Хотя мог бы и догадаться. Кей бы не бросила его в таком состоянии, тем более что ей всегда хотелось быть рядом. Он должен был заметить, что на кровати рядом с ним спали, а по комнате были разбросаны ее вещи. Кей была босиком, на ней был изумрудно-зеленый шелковый халат, который она сама подарила Роуэну на Рождество.

– На, – она подала ему чашку. Мысль о том, чтобы что-нибудь проглотить, вызвала у него тошноту, но его тошнило и без того. Какая разница?

– Спасибо, – буркнул он, сжав в пальцах теплый фарфор, и сделал глоток. Желудок взбунтовался. Чтобы показать ему, кто здесь хозяин, Роуэн отхлебнул еще и чуть не подавился. Смирившись, он поставил чашку на ночной столик и, упершись локтем в колено, схватился за голову.

– Все-таки как ты себя чувствуешь?

– Даже не спрашивай, – Роуэн попытался разговаривать, не шевеля губами. Любое движение заставляло содрогаться от боли все тело, от макушки до пальцев ног.

– Настолько плохо?

– Ужасно.

Беседуя с ним, Кей расхаживала по спальне, собирая разбросанную одежду.

– Ты не обязана подбирать мое барахло, – запротестовал Роуэн.

– Знаю, но мне нетрудно это сделать. Роуэну снова подумалось, что Кей заслуживает большего, чем он в состоянии дать ей. Может, ей нужен кто-нибудь вроде Стюарта? Как это он раньше не догадался, что Стюарт влюблен в Кей? Кстати, откуда он это узнал? Что произошло вчера, каким образом ему удалось проникнуть в чувства других людей? Роуэну вовсе не улыбалось испытать это снова. Это было...

– Что делать с этим?

Роуэн увидел, что Кей держит в руках кипу рубашек.

– Оставь на полу. Они пойдут в стирку.

– Но они чистые.

– Гм, да... видишь ли, их слишком сильно накрахмалили. Я собираюсь снова отдать их в прачечную.

– Это из-за них у тебя следы на шее? В первый момент Роуэн не понял вопроса и потянулся рукой к шее. Он почувствовал нежную, раздраженную кожу.

– Ага, – согласился он. – Рубашка была чересчур крахмалена.

Прежде чем Кей успела отреагировать, он спросил:

– Как я попал домой?

– Стюарт поехал в твоей машине, а я – в его. Он помог мне внести тебя в дом и уложить.

Роуэн кивнул. Он очень живо представил себе эту сцену. Мысль о том, что он утратил над собой контроль, была ненавистна. Особенно противно то, что это произошло при свидетелях. Полный ресторан народу!..

Роуэн все еще размышлял над этим, когда Кей присела на край кровати рядом с ним. Когда ее бедро коснулось его, Роуэн поднял глаза. Он подозревал, что Кей затеяла уборку, чтобы оттянуть решающий разговор с ним. Он видел, что она лихорадочно подыскивает слова.

– Роуэн, – начала Кей. Затем она замялась, но, собравшись с силами, продолжила: – Вчера я ничего не поняла.

Ему не хотелось обсуждать прошлый вечер.

– А что тут понимать? Я напился.

– Дело в том, что ты не был пьян. Ты даже не допил шампанское. Добрая половина бокала вылилась на стол и мне на платье.

Пульс Роуэна участился, в голове словно застучали молоточки. Ему вовсе не хотелось рассуждать на эту тему. По крайней мере, теперь, когда он чувствовал себя выброшенным на помойку. Кей же задавала вопросы, на которые он, даже зная ответ, предпочел бы не отвечать.

– Мне явно этого хватило, – уклончиво сказал он. – Слушай, Кей, мне очень жаль, что это так огорчило тебя.

Глаза Кей обиженно сверкнули, когда Роуэн намекнул, что она беспокоится по пустякам.

– Ты прекрасно знаешь, что это не так! – заявила она. И, немедленно раскаявшись в том, что позволила себе резкость, тихо добавила: – Я хочу знать, что произошло.

– Не понимаю, о чем ты, – буркнул он, опасаясь, что на самом деле прекрасно все понял.

– Что-то не так. Я чувствую. Со времени этого несчастного случая ты сам не свой.

Значит, она заметила. Да и как можно было не заметить? И все же он не желал распространяться на эту тему. Как объяснить то, чего и сам не понимаешь?

– Не кажется ли тебе, что раз я чуть не утонул, – начал Роуэн, недоумевая, почему он не решается сказать правду, признать, что действительно утонул, – вполне естественно, что мне некоторое время не удастся прийти в себя.

– Конечно, я старалась убедить себя, что все дело только в этом, но... – Кей встала и принялась расхаживать по комнате. – Не знаю почему, но ты изменился. Я разговариваю с тобой, а ты словно не здесь. Ты смотришь на меня, но не видишь. Ты отгородился от меня. Черт возьми, Роуэн, не вычеркивай меня из своей жизни!

У него сердце разрывалось, когда он слышал, какая боль звучит в ее голосе. Но Роуэн не мог выполнить ее просьбу, не мог объяснить, что с ним творится. Он принялся утешать ее, как умел.

– Иди сюда, – сказал он. Кей остановилась в замешательстве, и он похлопал по кровати рядом с собой. Она медленно подошла, присела рядом и в упор поглядела на него своими синеглазыми, как море, глазами.

– Ты права, – проговорил Роуэн, погладив ее по щеке, – я несколько раскис. И мне очень неприятно, что ты чувствуешь себя лишней. По-видимому, этот случай потряс меня сильнее, чем казалось на первый взгляд, но теперь я вернусь на работу, и все устроится. Вот увидишь.

Его голос звучал уверенно: Роуэн сам верил в то, о чем говорил. Медицина, хирургия, исцелит его. Когда к нему возвращался контроль, Роуэн был убежден, что все его проблемы – лишь результат стресса. Конечно, чтение мыслей после нескольких глотков шампанского

не поддавалось подобному объяснению, но могло оказаться результатом эмоциональной перегрузки. Он опьянел, и ему почудилось, что он способен читать мысли. Роуэн усилием воли заставил себя поверить в это.

– Все образуется. Вот увидишь, – повторил он и, добавив: – обещаю тебе, – привлеч Кей к себе. Он не стал заниматься с ней любовью, даже не целовал, а просто держал в объятиях. Кей была довольна и этим. Если Роуэн пообещал, что все будет в порядке, значит, все будет хорошо. Он же обещал...

Кей цеплялась, за эту мысль почти так же отчаянно, как и сам Роуэн.

В понедельник утром Роуэн радовался, что сегодня ему не придется оперировать. Он был измотан, словно не спал всю неделю. Собственно, так оно и было – то коматозное состояние, в которое он периодически впадал, никак нельзя было назвать сном. Похмелье его больше не мучило, но прежняя ясность и острота мысли, необходимая для хирурга, так и не восстановилась. К счастью, на этот день у него были назначены лишь консультации, в том числе и осмотр некоего богатого, влиятельного араба-предпринимателя, который специально прилетел в Хьюстон, чтобы посоветоваться с Роуэном по поводу предстоящей операции. Араб наотрез отказывался от услуг другого врача. Роуэн прекрасно понимал его. Он сам поступил бы так же.

«Господи, как приятно возвращаться!» – думал Роуэн, идя по белому больничному коридору в свой кабинет.

– Привет, Роуэн! – окликнул его кто-то из персонала. – Рад видеть тебя.

– Взаимно, – Роуэн распахнул дверь кабинета.

Его кабинет был мал, но разумно спланирован и со вкусом обставлен. В убранстве сочетались темно-зеленый и рыжевато-розовый цвета. В дальнем углу комнаты стоял массивный рабочий стол. На нем находились лампа, композиция из цветов, телефон и портрет Кей. Роуэн ненавидел беспорядок, как на рабочем месте, так и в жизни. Он принялся за чтение сообщений, когда в дверь постучали.

Джеймс Кеплер, главврач больницы, заглянул в кабинет Роуэна:

– Ты занят?

Джеймс был еще не стар, ему, по подсчетам Роуэна, было не больше сорока пяти – сорока шести лет, – но его пышная шевелюра была совершенно седой. Кеплер сильно хромал: в свое время он воевал во Вьетнаме. Его многие недолюбливали, считая слишком замкнутым, ограниченным, консервативным. Он был из тех, кто, приняв решение, никогда не изменит своего мнения. Тем не менее, Роуэн любил его за честность, открытость, страстную любовь к медицине и компетентность в управлении огромной и очень престижной больницей. Что касалось отношения доктора Кеплера к нему лично, Роуэн подозревал, что тот восхищается его мастерством хирурга, но не слишком любит его самого за чрезмерную самоуверенность.

– Нет, – откликнулся он, – просматриваю сообщения.

Хромая, доктор Кеплер вошел в кабинет:

– Как дела?

– Теперь, когда я вернулся, прекрасно. Главврач улыбнулся:

– А я, было, решил, что ты слегка сдрейфил.

Роуэн улыбнулся в ответ, решив, что добряк-доктор и наполовину не представляет его ощущений:

– Скажем так: эта неделя показалась мне очень долгой.

– Ладно, не буду тебя отвлекать. Я просто зашел сказать, что мы все рады, что все обошлось и ты снова с нами. Это был чертовски неприятный случай.

– Да, – согласился Роуэн, недоумевая, почему воспоминания о катастрофе, вместо того, чтобы потускнеть, становятся все ярче, совсем как тот неземной свет, к которому его так влекло. Он помнил агонизирующую схватку со смертью и переход в новую жизнь после смерти, помнил яркий свет, туннель, голоса.

Прежде, чем ты пересечешь рубеж, ты должен что-то совершить...

– Что? – подумал Роуэн, и вдруг понял, что произнес это вслух, потому что доктор Кеплер повторил:

– Я сказал, удачи тебе, и добро пожаловать обратно.

– Спасибо, – поблагодарил Роуэн. После того, как врач вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, он долго сидел, уставившись в пространство. Он размышлял, что бы подумал главврач, узнав, что его дыхание, сердечный ритм и давление после катастрофы так и не нормализовались, что запах духов сводит его с ума, накрахмаленные рубашки обдирают шею, а для того, чтобы напиться вдрызг, ему теперь хватает неполного бокала вина. Возможно, решил Роуэн, Кеплер, так же, как и он сам, не будет знать, что и думать.

Утро прошло спокойно. Роуэн провел две консультации и обоим пациентам рекомендовал лечь на операцию. Одному из них предстояла замена митрального клапана, второму – операция по поводу тромбоза артерии. В полдень Роуэн отправился перекусить в больничный кафетерий, где встретился с Марком и Стюартом. Все шло как прежде, и он прекрасно себя чувствовал. Более того, ему казалось, что он снова может полностью отвечать за себя.

В два часа он принял Фахида аль-Саккафа. Араб был одет в тобе – национальный костюм, похожий на халат, и носил на голове кефию и акал. Роуэн даже не взглянул на лежавшую перед ним карту, он знал ее на память. Пациенту было пятьдесят восемь лет, ранее на сердце не жаловался, в роду у него также никто не страдал сердечно-сосудистыми заболеваниями. Две недели назад, приехав по делам в Атланту, он почувствовал боль в груди и был госпитализирован. Его обследовали и заявили, что нужна операция. Он настоял, чтобы оперировал Роуэн.

– Я уверен, вам сообщили, что у вас коронарный тромбоз. Два тромба невелики, но третий весьма значителен.

– Именно так мне и сказали, – ответил араб. Он получил образование в Соединенных Штатах и безукоризненно говорил по-английски.

– Операция обыденная, хотя, разумеется, я должен предупредить вас, что безопасных операций на сердце не бывает. Кстати, безопасных операций в принципе не существует.

– Я прекрасно понимаю это.

– Кроме того, ходить в таком состоянии еще более рискованно.

– Я все решил, – ответил пациент. – Мне нужно только, чтобы вы назначили день операции.

– Постараюсь, чтобы это состоялось поскорее, – заметил Роуэн, сверяясь со своим расписанием.

Операции, не являвшиеся срочными, были перенесены с прошлой недели на эту, что до предела загрузило конец недели. Увидев это, Роуэн почувствовал, как по его венам заструился адреналин, вызывая бешеный восторг. Он был прирожденным хирургом. Роуэна привлекало напряжение, драматичность этой профессии, возможность играть роль сверхчеловека.

– У меня окно в среду днем, – подняв глаза, Роуэн увидел, что Фахид аль-Саккаф промокнет пот со лба дорогим носовым платком. Самому Роуэну отнюдь не казалось, что кабинете жарко. – Подойдет ли вам этот день?

– Подойдет, – ответил тот.

– Прекрасно. Я сейчас позвоню и попрошу подготовить операционную. – Роуэн потянулся к телефону и набрал соответствующий номер.

– Можно выпить воды? – спросил аль-Саккаф, кивнув в сторону стоявшего на ближайшем столике графина.

– Разумеется. Пожалуйста, пейте. Фахид аль-Саккаф встал, подошел к столику и налил себе воды. Он сделал глоток, потом второй и, держа стакан в руке, направился к стулу. На полпути он остановился. Роуэн обратил внимание на то, что он неожиданно побледнел.

– Мистер аль-Саккаф, вам плохо? Бизнесмен хотел что-то сказать, открыл рот, но не смог произнести ни звука. Он схватился за грудь и уронил стакан, расплескав воду на восточный ковер. Роуэн увидел, что Фахид аль-Саккаф неестественно медленно осел на пол.

– Звоните по синему коду! – прокричал в трубку Роуэн. – Направьте их в мой кабинет!

Не дожидаясь ответа, он швырнул трубку, не попав на рычаг. Схватив стетоскоп, он вскочил из-за стола и остановился, потому что к горлу подкатила волна тошноты. За ней последовала вторая. Затем у него закружилась голова, подогнулись колени и он не устоял на ногах. На лбу выступил холодный липкий пот. Роуэн подумал, что у него тоже начался сердечный приступ, но эта мысль показалась ему нереальной. Он не чувствовал боли ни в груди, ни в левой руке, и его сердцебиение было твердым, словно камень, и безупречным как репутация святого.

Откуда-то издалека до него донеслись голоса и шум вносимого в кабинет реанимационного оборудования.

Кто-то крикнул:

– Скорей!

Еще кто-то заорал:

– С дороги!

Дверь распахнулась. Роуэн хотел заговорить, но ему мешала слабость. Он увидел, как в комнату вошла реанимационная бригада, как на лицах врачей поочередно отразились удивление и шок. Последним, что он услышал, была фраза: «Ни фиги себе!», произнесенная кем-то из пришедших.

– У меня не было сердечного приступа! – кричал Роуэн, сидя через три часа в огромном, роскошно обставленном кабинете Джеймса Кеплера. – Я всем это уже объяснил!

Несмотря на горячие протесты, его заставили пройти обследование, после которого впору было захворать и человеку с железным здоровьем. По странному совпадению, которое очень заинтересовало Роуэна, признаки заболевания, проявившиеся у него, бесследно исчезли в ту же минуту, когда из комнаты увезли Фахида аль-Саккафа. В отсутствие пациента Роуэн чувствовал себя превосходно.

– Тогда что, по-твоему, произошло? – спросил второй голос.

Роуэн взглянул на Пола Сэндмена. Он прекрасно понимал, что означает присутствие во время этого разговора психиатра, и какой ответ предполагает заданный вопрос. Господи, как он ненавидит психиатров с их вопросами, утих волков, рядящихся в овечек!

– Боже, Пол, откуда мне знать? А ты что думаешь?

Пол вперил в Роуэна взгляд своих холодных, как лед, голубых глаз. Подобный взгляд не раз умирал даже самых несговорчивых пациентов.

– Раз уж у тебя не было сердечного приступа – а обследование показало, что его не было, у тебя потрясающе здоровое сердце, хотя ритм сокращений несколько ниже нормы, – он говорил совершенно спокойно, в отличие от взбудораженного Роуэна, – тогда я бы сказал, что ты перенес некую эмпатическую реакцию на приступ этого Фахида аль-Саккафа.

– И что это значит? – поинтересовался доктор Кеплер.

– У некоторых людей способность сопереживать доходит до симуляции физических симптомов.

– Я не симулировал его симптомы! – вклинился в разговор Роуэн. – Мое состояние не имело ничего общего с сердечным приступом.

Джеймс Кеплер не обратил на него никакого внимания:

– Вроде того, когда мужчина может испытывать схватки в то время, как рожает его жена?

– Точно, – ответил психиатр.

– Парни, я же объясняю вам, что не старался изобразить приступ!

В ответ на это психиатр просто пожал плечами:

– Тебе вовсе не надо было ничего изображать. Ты просто отреагировал на его страдания своими, – прежде, чем кто-либо успел вставить слово, он продолжил: – Хотя эмпатическая реакция не слишком широко распространена, подобный феномен все же встречается. Я видел матерей, страдавших от болей, когда болели их дети, и мужчин, которые, как их беременные жены, испытывали по утрам тошноту. У большинства же людей способность сопереживать ограничена. Мы можем представить себе, что такое потеря близкого человека, поэтому, если подобный удар постигнет друга, мы будем плакать вместе с ним.

– Слушай, – вставил Роуэн, – ты забываешь об одном. Во всех случаях, о которых ты рассказываешь, человек с эмпатической реакцией находится в близких отношениях с больным. А я ни разу не встречался с мистером аль-Саккафом до того, как он вошел в мой кабинет.

Как только Роуэн привел этот аргумент, он сразу осознал его неубедительность, вспомнив, как в субботу вечером воспринимал чувства всех, находившихся в ресторане. Он радовался и грустил вместе с совершенно незнакомыми людьми. Проблема состояла в том, что они не были ему безразличны. Он беспокоился о них, хоть они и были для него посторонними. В тот момент Роуэн не ощущал себя, став проводником для чувств и мыслей других.

Пол Сэндмен снова пожал плечами:

– Ты перенес травму.

Тут его глаза, стальные, словно капкан, уставились на Роуэна, и он добавил:

– Я разговаривал с парой человек, тоже оказавшихся на волосок от смерти. Они описывали свет, туннели, выход из собственного тела и тому подобное. Оба после этого стали иначе воспринимать чувства других.

Это был не вопрос, а скорее утверждение. Пол Сэндмен пробовал почву, готовя Роуэна к тому, чтобы тот выложил ему все. Половина его существа жаждала закричать: «Да, когда я тонул, произошло нечто странное, удивительное и очень пугающее, и я хочу, чтобы вы помогли мне разобраться в этом!», в то время как вторая, та самая, что ни за что не хотела потерять контроль над собой, говорила, что не нужно рисковать, что подобная откровенность равносильна признанию в том, что он уже не может сам управлять своей жизнью. Кроме того, Роуэн не верил в жизнь после смерти. Поэтому он спокойно выдержал взгляд психиатра и промолчал.

– ...Небольшой отпуск. Эти слова Джеймса Кеплера насторожили Роуэна.

– Но я только что вернулся из отпуска.

– А я хочу, чтобы ты снова отправился туда, – заявил главврач.

– Мне не надо...

– Как видно, ты не понял, Роуэн, – прервал его Кеплер. – У тебя нет выбора. Роуэн вскочил со стула.

– Подождите минуточку...

– Нет, это ты подожди. Я должен управлять больницей. Мне нужно думать о безопасности пациентов. Что, если бы это случилось во время операции?

– Но не случилось же! – закричал Роуэн.

– И ты можешь дать гарантию, что подобного не произойдет?

Конечно, Роуэн не мог ничего гарантировать. В глубине души подобный вопрос терзал и его. Он думал, что стоит вернуться на работу и все образуется, но события последних часов показали, насколько он ошибся. Что-то было не так. Совсем не так. Он утратил отстраненность, необходимую для подобной работы. Но все-таки ему не хотелось уходить в отпуск.

– Ладно, допустим, я ничего не могу гарантировать, – неохотно признался Роуэн. – Но я могу заниматься другим. А от операций на некоторое время откажусь.

Джеймс Кеплер покачал головой:

– Возьми отпуск на пару недель, или сколько там тебе понадобится. Тебе необходимо время, чтобы прийти в себя. Пол прав. Ты пережил тяжелое потрясение.

Под конец Роуэн понял, что Джеймс был прав. У него действительно не остается выбора. По дороге домой, отменив все консультации и передав дела своим товарищам хирургам, Роуэн задавал себе два вопроса: «Что же, черт возьми, сегодня произошло?» и «Что мне делать в течение этих дурацких двух недель?»

Роуэн мог бы догадаться, что у Стюарта найдется ответ, по крайней мере, на один из этих вопросов.

Поздним вечером Стюарт появился на пороге его квартиры. Последний раз они виделись в больнице. Как только распространились новости.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – Роуэн посторонился, пропуская Стю. Последний раз они виделись в больнице. Как только распространились новости о том, что случилось – а сплетни в больнице расходились потрясающе быстро, – Марк Стюарт оказались рядом с ним. Стюарт хотел позвонить Кей, но Роуэн убедил его не делать этого, объяснив, что Кей лишь расстроится понапрасну, в то время как для беспокойства нет никаких причин.

– Как дела? – поинтересовался Стюарт, усевшись, и немедленно потянулся за пепельницей. Из кармана обтягивающей рубашки он выудил пачку сигарет.

– Это тебя когда-нибудь угробит, – прокомментировал его действия Роуэн.

– Все может быть. Но речь не обо мне. Я спросил, как ты себя чувствуешь.

Роуэн, босой, одетый только в джинсы и измотанный до предела, плюхнулся на покрытый Дамаском диван так беспечно, что при виде этого зрелища дизайнера, разрабатывавшего интерьер его квартиры, хватил бы удар.

– Прекрасно. Я уже всем сказал, что здоров, и я действительно совершенно здоров.

– Верю, верю, – согласился Стюарт, глядя на друга сквозь едкий табачный дым.

Запустив пальцы в и без того взъерошенные волосы, Роуэн встал. С момента своего возвращения домой он ни минуты не мог посидеть спокойно, к тому же его раздражал табачный дым.

– Извини, что я сорвался, – произнес он, подходя к окну и засовывая руки в задние карманы джинсов. Мир за стеклом казался абсолютно нормальным. Солнце уже садилось. Небо постепенно окрашивалось в восхитительные тона розового, пурпурного и желтого цветов. Мужчины и женщины ехали домой, к своим семьям. Жужжали насекомые, закрывались на ночь цветы, трава росла буквально на глазах. Все было так обычно, так нормально. И лишь в его жизни уже не было ничего нормального или обыденного.

– Что сегодня произошло, Роуэн? Вопрос прозвучал неожиданно, хотя Роуэн и боялся его.

– Не знаю. Честное слово, не знаю. У пациента начался приступ, и в ту же минуту я почувствовал головокружение и тошноту. Все было так, словно... – Роуэн замаялся, не желая произносить этого вслух.

– Словно что? Роуэн обернулся:

– Как будто я каким-то образом воспринимал его боль. Лишь только его вывезли из моего кабинета, все симптомы как рукой сняло. Словно ничего не было, – он невесело засмеялся. – Пол из кожи вон лез, доказывая, что это была моя попытка посочувствовать больному.

– Случались и более странные вещи.

– Но не со мной же! – крикнул Роуэн, снова отворачиваясь к окну. Он устало вздохнул:

– Извини. Я вовсе не хотел срывать злость на тебе.

Стюарт промолчал. Они с Роуэном прекрасно понимали друг друга.

Через некоторое время Роуэн сообщил:

– Ты в курсе, что меня выперли из хирургии. Говоря откровенно, даже из больницы.

– Отпуск – не удовольствие.

– Да, конечно, с точки зрения семантики. Но как не смотри, утром мне не надо идти на работу.

Стюарт ничего не сказал. Учитывая мрачное подавленное настроение Роуэна, спорить, не имело смысла. Ему все равно не удалось бы ни в чем убедить друга.

– Чем ты собираешься заняться? – спросил Стюарт.

– Сойти с ума, – не задумываясь, ответил Роуэн. – Точнее, полностью свихнуться, – он резко обернулся, при мысли о том, что ему предстоит, лицо его исказилось. – Стю, клянусь, если мне еще две недели придется просидеть в этой квартире, я превращусь в психа, которого останется только запереть в дурдоме!

– А зачем тебе сидеть здесь?

Роуэн выглядел так, будто эта мысль ни разу не приходила ему в голову. Однако, обдумав, он отверг ее:

– Куда я могу деться?

– Как насчет Нового Орлеана? Даже если бы Роуэна ударили по голове, он, пожалуй, удивился бы меньше.

– А причем тут Новый Орлеан? Стюарт потушил сигарету и встал:

– Выслушай меня, прежде чем отказаться, хорошо?

Роуэн не ответил, и Стюарт переспросил:

– Хорошо?

– Ладно, – пробурчал Роуэн, подумав, что его согласие выслушать Стюарта лишь доказывает, в насколько безнадежном положении он оказался.

– У меня есть приятель, Дэвид Белл. Мы вместе с ним учились в медицинской школе. Сейчас он преподает в Тулэйнской медицинской школе и должен отправиться на все лето в Швейцарию для обмена опытом. Значит, его дом будет пустовать все это время. Некоторое время назад я разговаривал с ним, и он с радостью ухватился за предложение присмотреть за домом в его отсутствие. Неделью, две – сколько ты захочешь.

– Не знаю...

– Чего ты не знаешь? Я предлагаю тебе провести время в Новом Орлеане! Елки-палки, если ты ничего не захочешь делать, то хотя бы отъешься на двадцать фунтов самой вкусной в мире едой, послушаешь джаз, попьешь кофе с молоком и научишься легче смотреть на жизнь. Кроме того, я же тебе не предлагаю жить в трущобах. Дом, о котором я говорю, находится в Гарден Дистрикте. Дэвид купил его, когда дом собирались сносить, и восстановил его. Это такой... – Стюарт замялся, подыскивая определение, – колоритный дом. У него есть характер.

Увидев, что Роуэн, выслушав его тираду, не подпрыгнул от счастья, Стюарт добавил:

– Я тебе предлагаю сменить обстановку. Может, ты не так быстро свихнешься, если будешь смотреть на другие стены.

– Не знаю...

– Это ты уже говорил. Слушай, обдумай это.

Пока Стюарт шел от дома к своей машине, Роуэн размышлял над этим предложением. Неожиданно в нем заговорил инстинкт самосохранения. В конце концов, что он теряет? Только душевное здоровье, но его он потеряет и здесь.

– Эй, Стюарт! Его друг обернулся.

– Я поеду.

Стюарт ухмыльнулся:

– Ключ на кофейном столике. Прислонившись к двери, Роуэн лениво улыбнулся:

– Ты – нахальный сукин сын!

– Конечно, но, по крайней мере, я не самоуверенный сукин сын.

Через полчаса после отъезда Стюарта придала Кей. По-видимому, благодаря быстро распространяющимся сплетням все уже знали о том, что произошло с Роуэном, а кто не знал, тот

обязан был услышать от своих знакомых как можно скорее. Кто-то из наиболее осведомленных на этот счет, разумеется, оказался членом Клуба здоровья, принадлежащего Кей, и не отказал себе в удовольствии всласть потрепаться в «Фитнесс Эмпориум». Как только новости дошли до Кей, она немедленно примчалась к Роуэну.

– Кей, я клянусь тебе, что все будет в порядке.

Но она наотрез отказывалась поверить:

– Ты уверен, что у тебя не было приступа?

– Если бы он был, я понял бы.

– Но ты прошел осмотр?

– Естественно, меня проверили, и выяснилось, что я здоров.

– Так у тебя не было сердечного приступа?

– Тебе не кажется, что, если бы у меня был приступ, меня положили бы в больницу? – поинтересовался Роуэн, с трудом заставляя себя сохранять терпение.

Это утверждение оказалось достаточно логичным, чтобы на короткое время успокоить Кей. Но через секунду она вновь спросила:

– Что же, в таком случае, произошло? Я слышала, что ты упал в обморок.

– В обморок я не падал, – тут Роуэн несколько приврал. – Послушай, разве ты не видишь, что я здоров?

С того момента, как Кей вбежала в квартиру, она не выпускала Роуэна из объятий, пытаясь прикосновением к любимому рассеять свои страхи. Удостоверившись, что он жив и здоров, она взорвалась:

– Какого черта ты не позвонил мне?

– Для этого не было причин. Я же здоров.

– Но с самого начала ты этого не знал. Я могла бы быть рядом с тобой. Я могла бы... Он крепко обнял ее за плечи:

– Извини. Я действительно должен был позвонить.

Признание Роуэна в том, что он был не прав, а также его извинения выбили почву из-под ног Кей. Отстранившись от него, она вздохнула и запустила пальцы с длинными ногтями в свою коротко стриженую шевелюру.

– Ох, Роуэн, ну что мне с тобой делать?

Он сконфуженно улыбнулся:

А ты уверена, что это имеет смысл? Она тоже улыбнулась, и, снова подойдя нему, обняла и поцеловала. Ее поцелуй был спокойным и нежным, но Роуэну непонятно почему вдруг стало неприятно. Нет, он понял, в чем дело. Каким-то образом это было связано со скрытыми собственническими чувствами Кей. Роуэн оторвался от ее губ, удивившись, что у него могли возникнуть столь неприятные мысли по отношению к этой женщине. Он по-своему любил ее, но после катастрофы Кей каким-то образом не вписывалась в его жизнь. А может, дело в том, что он больше не вписывается в ее жизнь? Хотя, возможно, все обстоит гораздо проще, и он просто сходит с ума.

– В чем дело, милый? – Кей почувствовала смену его настроения.

Поскольку обсуждать то, что Роуэн думал в эту минуту, ему хотелось меньше всего, он предпочел предложить другую тему, тоже достаточно неприятную:

– Мне придется уйти в отпуск. Недели на две.

На привлекательном лице Кей отразилось изумление.

– Почему? – Роуэн попытался засмеяться, но ему не удалось.

– Доктор Кеплер считает меня обузой.

– Что это значит?

– Он боится поручать мне оперировать, опасаясь повторения сегодняшнего инцидента, – Роуэну страшно не хотелось признаваться в этом, но он добавил: – Кеплер прав. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Кей промолчала. Похоже, она не вполне поняла, о чем речь.

– Я... гм, на пару недель уеду в Новый Орлеан, – как ни в чем ни бывало проговорил Роуэн. На Кей эти слова подействовали, как красная тряпка на быка. Но он, не дав ей заговорить, продолжил: – У Стюарта есть друг, который уехал на лето в Европу. Я буду жить в его доме.

Он видел, как Кей переваривает эту информацию. Наконец она согласилась:

– Да, это неплохая мысль. Ты просто с ума сойдешь, оставаясь здесь.

Его не удивило то, что она столь хорошо понимает его. Но ее следующее высказывание ошеломило Роуэна.

– Когда мы едем? – спросила Кей.

– Эй, погоди, – заторопился он. – Не могу же я тащить тебя с собой.

– Разумеется, можешь.

– Кей, ты же не можешь бросить «Фитнесс Эмпориум»!

– Есть люди, которые меня заменят.

– Нет! – это было сказано гораздо резче, чем хотелось бы Роуэну. Он проклял себя, когда увидел появившееся на лице Кей выражение. В этот момент Роуэн был сам себе противен, но возможность побыть одному, была для него важнее всего. Он сам не знал, почему это столь необходимо, но чувствовал, что должен поступить именно так. Тем не менее Роуэн постарался смягчить свой тон, добавив: – Смотри на вещи трезво, Кей. Меня не будет всего две недели. Я буду ежедневно звонить.

– Это не одно и то же, – начала было Кей, Роуэн поспешил использовать свой самый неотразимый аргумент, зная, что, если и это не убедит ее, то Кейстоит на своем.

– Как ты будешь готовиться к свадьбе, если собираешься в Новый Орлеан?

– В Новом Орлеане тоже есть телефоны.

– Конечно, но я думал, что тебе надо на последнюю примерку в ателье.

– Можно сделать это перед отъездом или приехать на денек.

– Смешно мотаться туда – сюда. Не просто смешно, а...

– Ты просто не хочешь, чтобы я поехала, – оборвала его Кей.

– Дело не в этом, – соврал Роуэн. – У тебя напряженное расписание, и поездка создаст массу неудобств.

Кей ничего не сказала. Она не сводила глаз с Роуэна, и под этим взглядом он почувствовал себя крайне неуютно. В конце концов, она сказала:

– Хорошо. Пусть будет так, как хочешь ты.

Он понимал, что ей не хочется мириться с этим, и она соглашается лишь потому, что не видит другого выхода.

«Черт побери, Кей! Я не хочу обижать тебя», – подумал Роуэн. Он причинил ей боль и сожалел об этом, хотя сожаления не были столь сильны, чтобы заставить его изменить свои планы. Сам не зная почему, Роуэн был уверен в том, что должен отправиться в Новый Орлеан в одиночку. И в этом он ни на йоту не сомневался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дом, скрытый в кустах магнолий, назывался особняком Ламартин. Почему, Роуэн не знал, но подозревал, что так звали бывшего владельца. Роуэн чувствовал, что дом хранит определенную атмосферу. Стюарт назвал ее характером. Роуэну казалось, что это нечто большее, некое смутное свойство. Он затруднялся подыскать ему определение, просто странным образом чувствовал, что дом скрывает какую-то тайну. Было время, когда подобным странностям не было места в его рационально построенной жизни... Теперь же они были ему хорошо знакомы, хотя это знакомство и нельзя было назвать приятным.

Выйдя из машины, он увидел цветущие магнолии. Желтовато-белые цветы размером с ладонь были окружены темно-зелеными листьями, блестящими, словно восковые. Дом, высокий и строгий, был красив суровой аскетической красотой. Он не располагал к себе, был мрачен, но, тем не менее, прекрасен и манил Роуэна к себе, как притягивают людей тайны. Роуэн распахнул скрипучие железные ворота и медленно вошел, чувствуя, что солнечные лучи, словно раскаленный металл, жгут его спину. Он услышал щебетание птиц и жужжание пчел, почувствовал запах травы, цветов и плодородного чернозема. На секунду ему показалось, что его чувства снова перемешались, и он опять слышит запахи и ощущает звуки, но этого не произошло. Роуэн с облегчением вздохнул.

Войдя в синеватую тень галереи, Роуэн остановился, наслаждаясь прохладой и тишиной. Умиротворение. Находясь здесь, он живо вспомнил умиротворение, снизошедшее на него в лучах яркого белого света. Он безумно тосковал по нему, жаждал получить хоть частицу этого покоя, пока его жизнь не вошла в колею.

Посмотрев на коврик в форме полумесяца, лежавший у двери, Роуэн подумал, что, может быть, он обретет здесь долгожданный покой. Выудив ключ из кармана свободных брюк цвета хаки, он вставил его в замочную скважину, и тут заметил приклеенную к двери липкой лентой записку. Роуэн развернул ее, прочитал и огляделся по сторонам в поисках бродячего кота, который периодически навещал этот дом, рассчитывая перекусить. Но мурлыки не было видно.

Повернув ручку двери, Роуэн открыл тяжелую деревянную дверь и осторожно переступил через порог.

В доме было жарко. По всей видимости, хозяин дома выключил кондиционер накануне, перед отъездом в Европу. Всего два дня назад Стюарт предложил Роуэну временно пожить здесь. Как только тот решился, его стало обуревать желание уехать поскорее, чтобы разобраться в своей жизни и своей смерти. Но сначала надо было что-то предпринять, чтобы избавиться от жары.

Роуэн оставил входную дверь открытой в надежде, что шальной ветерок может навестить эти изнывающие от жары места, и принялся за поиски. Он прошел по коридору, тянущемуся через весь дом. В коридоре, словно в комнате, стояло несколько стульев и небольшой диванчик. Обстановка была выдержана в голубых и абрикосовых тонах. Термостат Роуэн обнаружил рядом с позолоченным зеркалом в стиле рококо. Движимый любопытством, он заглянул во все комнаты, находившиеся внизу, выяснил, что дом гораздо больше, чем ему показалось с первого взгляда. Он был узким, но длинным.

В конце коридора располагалась кухня – белый пол и потолок, белые занавески, белая мебель. В центре белого стола, покрытого белой скатертью с отделкой из беттенбергского кружева, стояла белая широкая ваза, в которой плавала желтовато-белая магнолия. Красота и суровость этого помещения, слегка напомнившего Роуэну операционную, нарушалась лишь сиянием начищенной меди, сверкавшей ярче новенького пенни. С потолка на цепях свисал брус, на котором висели медные кастрюли и сковородки. На разделочном столе выстроились

медные кухонные принадлежности, на стене висели формы для выпечки, на полке стоял горшок с бело-зеленым плющом.

К кухне примыкала огромная комната с высоким потолком и деревянным полом, в которую можно было войти из коридора. Благодаря расстановке мебели и расположению ковров она была разделена надвое. В дальнем углу стоял темный стол из ореха и шкафы для бумаг. Это был кабинет. Часть комнаты, находившаяся ближе к двери, служила библиотекой. Всю стену занимали книжные полки, причем верхний ряд был расположен так высоко, что книги невозможно было достать без лестницы. Обстановка здесь была выдержана в винных тонах, и в комнате стоял запах кожи, исходивший от мебели и книг в дорогих перелетах, причем многие из них, как понял Роуэн представляли собой первые издания. Боль всего его поразил недостаток освещения. Крохотные шторы скрывали узкие окна. Роуэну вновь подумалось, что этот дом пытается сохранить в своих стенах некую тайну.

Следующая комната – судя по всему, гостиная – была обставлена в совершенно ином стиле. Она была более яркой, женственной, и Роуэн задумался, женат ли Дэвид Белл. Почему-то он пришел к выводу, что доктор холост. Возможно, владелец, реставрируя дом, стремился сохранить историческое правдоподобие. Обстановка этой комнаты была в голубых и розовато-оранжевых тонах. Окна закрывали пышные шторы из дамасского шелка цвета слоновой кости.

В центре находился камин из белого мрамора. Каминную полку украшали две вазы с розами пастельного цвета и два подсвечника из бледно-голубого стекла. Перед камином, закрыв его на лето, стояла ширма-зеркало, сделанная так, чтобы дамы девятнадцатого века могли видеть в нем подолы своих длинных платьев.

Роуэн знал это, потому что его бабушка интересовалась стариной и у нее была точно такая же ширма для камина. В детстве Роуэна восхищали антикварные вещицы, которых было полно в доме бабушки. Он всегда увлекался историей, любил представлять, что некогда сам жил в прошлом.

Он продолжал разглядывать обстановку комнаты, и вдруг замер на месте, увидев портрет, висевший над камином. На нем была изображена молодая женщина, которой вряд ли, было больше двадцати одного – двадцати двух лет. Роуэну показалось, что он где-то видел ее раньше, но затем он понял, насколько это глупо: эта дама жила в другое время, в другом веке. Кроме того, ее красота была незабываемой. Если бы он хоть раз увидел ее, то ни за что не забыл бы. Она пленила его.

Волосы, иссиня-черные, как вороново крыло, и длинные, словно зимняя ночь, волнами и завитками падали на плечи красавицы, обрамляя ее лицо, форма которого напоминала сердечко. Ее кожа была снежно-белой, алебастровой, безупречной. Высокие скулы, чуть заостренный подбородок, маленький прямой нос. Но главным в этом лице были глаза. Они были темными, темней безлунной ночи, черней одиночества.

Разумеется, здесь художник приврал. Не могут же человеческие глаза быть черными, как оникс. Или могут? Нет. Несмотря на это, Роуэн знал, что ее глаза действительно были черными, хотя и не понимал, откуда ему это известно. Он не представлял, почему скрытая в этих глазах печаль так тревожит его. Его беспокоила не столько сама печаль, сколько отчаянные старания женщины скрыть ее. Роуэн не отводил взгляд от портрета. Его сердце билось медленно и неровно. У него создалось впечатление, что эта женщина смотрит вдаль, туда, где находится что-то, чем ей не удастся обладать, несмотря на самое горячее желание.

Чудесные розовые губы, пухлые и чувственные загадочно улыбались.

Постепенно Роуэн осознал, что ему грустно. Он буквально физически, так же, как он чувствовал чужие мысли в ресторане, ощутил печаль. Казалось, грусть женщины, изображен-

ной на портрете, давит на него, и он подумал, что сломается под этой тяжестью. Роуэн инстинктивно прижал ладонь к груди, как будто этот жест мог облегчить его состояние.

Именно тогда он почувствовал чье-то присутствие.

Кто-то – человек или животное – вошел в комнату.

Сердце Роуэна бешено забилося. Он хотел оглянуться, но чуть-чуть побаивался. Решившись, он резко развернулся, не представляя, что его ждет. Увидев своего гостя, Роуэн от души посмеялся над своими страхами.

Сиамский кот, по-видимому, вошедший через распахнутую входную дверь, сидел и спокойно смотрел на Роуэна своими большими голубыми глазами. Кончик длинного хвоста, выглядевший так, будто его обмакнули в растопленный шоколад, подергивался, словно хлыст.

Роуэн вздохнул с облегчением.

– Так это ты – тот самый бродяжка? – сказал он коту.

Кот склонил набок изящную голову и дернул ухом.

Наклонившись, Роуэн протянул руку:

– Ну, иди сюда, парень. Кот, не шелохнувшись, равнодушно посмотрел на него.

– Ладно, – Роуэн выпрямился, – Как хочешь. Но я знаю, где лежит еда.

Он направился к выходу, и, остановившись на пороге, еще раз посмотрел на портрет, с любопытством глядя в грустные глаза женщину. Может, эта грусть – игра его воображения? Интересно, что почувствовал бы другой человек, увидев портрет? Роуэн вышел в коридор, оставив в комнате женщину и кота. По дороге на кухню он заглянул в кладовку и нашел там пачку кошачьих галет. Роуэн насыпал их в миску. Услышав хруст, кот тотчас же прибежал, не забыв, однако, замедлить шаг при приближении к кухне, и, сохраняя достоинство, прошепствовать к миске, бесшумно, как падающий снег, ступая на мягких подушечках. Он сразу принялся есть, но ел тихо и медленно, не торопясь и не жадничая.

– Добро пожаловать, – приветствовал Роуэн кота и принялся изучать содержимое холодильника. Как он и ожидал, холодильник был почти пуст – одно яйцо, несколько баночек с маринованными огурцами, оливками, джемом и кувшин воды.

Посмотрев на часы, показывавшие половину пятого, Роуэн решил отправиться за покупками, а потом пораньше лечь спать. Он провел полдня за рулем и устал. Через десять минут Роуэн выгнал возмущенного кота на крыльцо и, выйдя сам, закрыл дверь. Он боролся с желанием вновь увидеть портрет. Боролся и проиграл. В качестве оправдания он убеждал себя, что хотел лишь посмотреть, нет ли на раме таблички с именем женщины. Таковой не оказалось, и Роуэну оставалось лишь гадать, кто была эта красавица с грустными глазами.

– Господи, ну и парилка же в Новом Орлеане! – Роуэн вернулся меньше чем через час, взмокнув как мышь и проклиная жару. Положив в холодильник два пакета с овощами, он устроился в спальне наверху. Ему никто не сказал, какую комнату он может занять, и Роуэн взял себе первую попавшуюся. Она оказалась большой, с высоким потолком, огромной кроватью и массивным шкафом, сделанным, по мнению Роуэна, из розового дерева. Интерьер был выдержан в серо-синих и красных тонах. Красный цвет. Винный цвет. Он напомнил Роуэну о доме. Он не знал, хочет ли вернуться домой, не знал, скучает ли по Кей.

Надо было позвонить ей.

Разговор не удался. Кей все еще дулась и сердилась, что ей пришлось из-за Роуэна остаться в Хьюстоне. В конце беседы она сказала:

– Я люблю тебя.

Роуэн замешкался с ответом. Не потому, что не любил Кей. Просто ему всегда было трудно произнести эти три слова. Они требовали признать, что он ослабил свой контроль, что есть еще кто-то, имеющий над ним власть, пусть хотя бы на время. Но все-таки он сказал это.

– Я люблю тебя, – сказал он, почему-то вспомнив в эту секунду портрет внизу, иссиня-черные волосы и глаза, словно угли.

– Роуэн?

– Да, – откликнулся он.

– Ты где?

– Я сказал, что тоже люблю тебя.

– Я спросила, скучаешь ли ты по мне.

Он не слышал вопроса, он слышал лишь, зов этих грустных глаз. Приложив трубку к другому уху, Роуэн ответил:

– Естественно, скучаю.

– У тебя усталый голос.

– Я устал. Слушай, я собираюсь пораньше лечь спать.

– Роуэн... – Замявшись, Кей закончила разговор: – Спокойной ночи, милый.

Роуэн спал плохо, периодически просыпаясь и прислушиваясь к звукам незнакомого дома. Однажды ему почудилось, что внизу мяучит кот, просясь в дом, но, когда Роуэн неохотно встал, кота нигде не было видно. Можжет, ему надоело ждать, а может, он и не приходил. Роуэн снова улегся и проспал до трех часов утра.

Ему приснилось, что он опять тонет. Легкие горели от недостатка воздуха; он медленно плыл к выходу из пещеры. Но Роуэн знал, что доплыть не суждено. Он должен умереть. Здесь. Сейчас. Он отчаянно боролся за жизнь. Чернота. Белый свет, несущий покой и умиротворение.

Тебе нужно вернуться. Перед тем, как пересечь рубеж, ты должен еще что-то сделать.

И вдруг Роуэн снова очутился перед портретом внизу. Ему никак не удавалось избавиться от мысли, что эту женщину он где-то видел. Но где? Тем не менее, он был уверен, что то, что он должен сделать, каким-то образом связано с ней. Во сне Роуэн протянул руку, желая дотронуться до портрета, но тот загадочным образом начал быстро отдаляться от него, словно проваливаясь в черный туннель.

– Нет! – кричал Роуэн, чувствуя, что, теряя эту женщину, испытывает невыносимую боль. Более того, его терзал страх за нее. Проклятая беспомощность, сковавшая его своими цепями, злила Роуэна.

Внезапно он проснулся, словно от толчка. Рядом с ним в комнате кто-то находился. Он ощущал это присутствие так же отчетливо, как биение собственного сердца, отчаянно колотившегося в груди. Кот? Нет, это не кот. Тот, кто был в комнате, казалось, отчаянно тосковал.

Капли пота выступили на лбу и на обнаженной груди Роуэна. Неожиданно ему стало холодно, потому что работал кондиционер. Или он боится? Медленно, тихо Роуэн приподнялся на локте и протянул руку к ночному столику. Он щелкнул выключателем, и комнату залил свет.

Никого не было.

С глубоким вздохом Роуэн упал на постель. А чего он ждал? Он и сам не знал, лишь помнил, сколь реальным было то отчаяние, которое он ощущал.

Новый день Роуэн встретил, будучи усталым, измученным и мрачным. Утром, пока было не очень жарко, он пробежал пару миль, а потом, когда наступила влажная жара, пристроился на диване, читая медицинские журналы. К вечеру он принялся слоняться по дому, изнывая от безделья. Порывшись на полках в библиотеке, Роуэн спустился вниз. Ему весь день хотелось снова увидеть портрет. Несмотря на то, что картина по-прежнему манила его, он старался не обращать на нее внимания.

Роуэн обнаружил дверь, ведущую на задний двор. С трех сторон его окружала стена чуть меньше человеческого роста, четвертой стороной ограды служил дом. У стены росли банановое дерево, пальма и магнолия, еще больше скрывая двор от окружающего мира. Они приятно затеняли его. Камелии, азалии, бугенвиллеи и выющиеся розы цвели, каждая в свой сезон, украшая двор. Сейчас главенствовала кроваво-красная бугенвиллея, а лавандово-лиловая уистерия карабкалась на стену, словно пытаясь убежать.

Дворик был тюрьмой. Благоухающей, тенистой, прекрасной тюрьмой. В дальних уголках прятались тени, опавшая листва заглушала шаги. Лианы и ветви словно тянули руки через весь сад, не защищая, а бдительно охраняя его, чтобы никто не смог ускользнуть без их разрешения. Гуляла ли здесь изображенная на портрете женщина? Ощущала ли она, подобно Роуэну, замкнутость этого дворика? Ответа не было. Роуэн слышал лишь свои шаги на поросшей мхом кирпичной дорожке, да журчащий шепот фонтанчика, струящегося из горгульи.

На следующую ночь Роуэн проснулся от тошноты. На этот раз его ощущения были не столь сильны, как тогда, когда он присутствовал при сердечном приступе у своего пациента, но и теперь Роуэн был уверен, что воспринимает чужую боль. Но чью?

В эту ночь произошло еще одно странное событие. Пошел мелкий дождь, брызгавший в окна и мгновенно впитываемый иссушенной зноем землей. Кот (Роуэн так и звал его – Кот) разбудил его, требуя свою порцию. Животное, казалось, было весьма раздосадовано, что дождь осмелился намочить его чудесную гладкую шкуру. После еды он отказался выходить на улицу и отправился вслед за Роуэном наверх. Там Кот вспрыгнул на кровать и, устроившись в ногах, принялся умываться. Приведя себя в порядок, он свернулся клубочком и уснул, словно и дом, и эта постель принадлежали ему. Роуэн не стал его выгонять, предпочитая не оставаться в одиночестве. Выключив свет, он тоже лег спать.

Без четверти два Роуэн неожиданно проснулся. На этот раз его душил дым, разъедавший, щипавший легкие. Задыхаясь, Роуэн скатился с кровати на пол. Кажется, при пожаре рекомендуют держаться ближе к полу? Нашарив в темноте выключатель, Роуэн зажег лампу.

Кот приоткрыл затуманенные сном глаза и посмотрел на него.

Роуэн не обратил на него внимания. Он намеревался отыскать источник пламени. В спальне не было ни струйки дыма, хотя воздух был наполнен едким запахом. «Как это может быть?» – подумал он, рискнув встать и очень осторожно открыть дверь спальни.

В коридоре ничего не горело, равно как и в трех других спальнях. Внизу – тоже ничего. Ничегошеньки! Нигде в доме не было огня. Кроме того, запах дыма исчез столь же неожиданно, как и появился. Роуэн вернулся в спальню, лег, но спать не мог. Прислушиваясь к шуму дождя и раскатам грома, он размышлял над этим происшествием и удивлялся.

В пятницу солнце ярко сияло на умытом дождем небе. Мир казался живым и доброжелательным, и, несмотря на то, что ночь выдалась тревожной, Роуэн чувствовал себя... Он и сам не мог описать своих ощущений. Его жизнь и этот мир казались ему сюрреалистическими, как полотна Дали, как отражения в зеркалах комнаты смеха на карнавале. Все было искаженным и неверным, но в то же время странно притягательным. Роуэн надеялся и верил, что со временем все встанет на свои места. Ведь после грозовой ночи солнце так ярко сияло на небе, а Роуэн был достаточно самонадеян, чтобы считать, что стоит лишь захотеть достаточно сильно, и все станет таким, как было.

Устав от медицинских журналов, он принялся искать в библиотеке, что-нибудь почитать, и нашел историю наиболее старых домов в городе. С изумлением и радостью он нашел в этой книге упоминание об особняке Ламартин. Дом был построен в 1856 году, но имя первого владельца названо не было. В 1875 году дом приобрел некий Гален Ламартин. В книге он был назван французским красавцем-аристократом. Он приехал в Новый Орлеан за несколько лет до покупки дома. Из того немногого, что было сказано о нем, Роуэн понял, что Ламартин занимался политикой и был весьма равнодушен к слабому полу.

Была ли женщина с портрета знакома с ним? А может, она была его любовницей?

Со скуки Роуэн решил прогуляться в исторический, красочный Французский квартал. Вернувшись домой, он налил себе стакан холодного чая и сел читать «Таймс-Пикайен».

Несмотря на то, что шла только первая неделя июня, город изнывал от жары. На территории знаменитого собора Сен-Луи велись раскопки, если верить газете, там был обнаружен тайный подземный ход.

Уик-энд прошел спокойно, и в воскресенье, ложась спать, Роуэн тешил себя надеждой, что все в его жизни постепенно придет в норму. Он мгновенно уснул и спал мирно и тихо, без сновидений. Вздохнув, Роуэн повернулся на другой бок, задев ногой пушистый комочек. Человек и кот устроились поудобнее и опять уснули.

В комнате запахло розовой водой. Роуэн заворочался и снова вздохнул, думая, что ни разу еще не ощущал такого приятного запаха. Нежный аромат заполонил комнату, наполнил легкие Роуэна, овладел всеми его чувствами. Постепенно он становился все сильнее и сильнее, пока потревоженный Роуэн не застонал и не проснулся, потянувшись к лампе. Прошлый опыт убеждал его, что в комнате никого не окажется. Так и было. Он был наедине с Котом. Лишь он, кот, и ошеломляющий запах, от которого ему стало плохо.

Чтобы не задохнуться, он должен был выйти из комнаты. Аромат, казалось, успел пропитать каждую клеточку его тела. Глаза щипало, в голове пульсировала боль, сердце изнемогало от сладкого запаха. Отбросив покрывало, Роуэн выбрался из комнаты и прислонился к стене в коридоре.

Он полной грудью вдохнул чистый, не пахнувший розами воздух, и посмотрел на лестницу. Деревянная, покрытая ковром лестница изящно изгибалась в форме буквы S, позволяя видеть сверху, что делается внизу. Увидев открывшуюся его взору картину, Роуэн затаил дыхание.

Свеча.

Женщина, держащая свечу.

В темноте свеча горела очень ярко, золотистый язычок пламени колебался, словно волнуемый ветром. Но женщина... Роуэн не видел, а скорее чувствовал ее. Она заполонила все его существо, как запах розовой воды. Роуэн шестым чувством понял, что он был выдворен из своей комнаты лишь для того, чтобы увидеть ее.

Что же он видит?

Точнее, кого?

Словно отвечая на этот вопрос, женщина медленно, но решительно направилась вверх по лестнице. Она подходила все ближе, но свет свечи не позволял Роуэну разглядеть ее лицо. Он заметил лишь блики в длинных черных волосах, кольцами спадавших ей на плечи и достигавших до самых бедер, и отсветы пламени на бледном лице. На женщине была старомодная белая ночная рубашка, наглухо застегнутая до самого горла маленькими перламутровыми пуговками и колыхавшаяся возле стройных щиколоток, приоткрывая их при каждом шаге. Из-под тонкого подола виднелись босые ноги. Сквозь складки полупрозрачной ткани Роуэн видел очертания красивого, гибкого, женственного тела.

Его сердце учащенно забилося. Мало того, что женщина была так прекрасна, она еще и остановилась лишь в нескольких шагах от него. Ее обволакивал слабый, словно весенний ветерок, аромат розовой воды. Сердце Роуэна громко стучало, когда он посмотрел ей в глаза. Его карие глаза встретились с глазами красавицы, угольно-черными и печальными.

Это была женщина, изображенная на портрете что не слишком удивило Роуэна. Разве он не догадался об этом с самого начала? И снова ему показалось, что они где-то встречались раньше. Еще более любопытным было то, что женщина, по-видимому, узнала его.

– Aidez-moi¹, – прошептала она. Ее голос, произносивший мелодичные французские слова, звучал так, как звучал бы лунный свет – далекий, невесомый, нереальный.

– Я... я не понимаю, – прошептал Роуэн, глядя, как играет свет свечи на ее лилейно-белой коже.

– Aidez-moi, – повторила она. Из грустного глаза выкатилась большая слеза и побежала по белой щеке.

---

¹ Помогите мне (фр.).

Инстинктивно Роуэн протянул к ней руку, но, прежде чем он успел коснуться женщины, та сделала шаг вперед, пройдя сквозь Роуэна, словно его не существовало. Дух смешался с материальным телом, и в тот момент, когда они слились воедино, Роуэн упал на колени, не в силах вынести отчаяние и печаль, охватившие его, отчаяние и печаль этой женщины. Он заметил, как кот принялся тереться о рубашку женщины, но не почувствовал этого. Кроме горя и боли Роуэн ощутил, что его душа и душа этой женщины в эту секунду слились воедино.

Тут женщина исчезла прямо на его глазах, и Роуэну показалось, что она взяла с собой часть его души.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Снизу повеяло ароматом кофе.

Роуэн почувствовал этот запах сразу же, как только проснулся, или минутой раньше. Первым делом он подумал, что это ему снится, потом решил, что снова творится что-то странное, но запах сопровождался резким звоном посуды, и этот звук был вполне реален. Очень даже реален. Женщина на лестнице тоже, впрочем, казалась реальной, пока не исчезла буквально за секунду.

Может, она вернулась?

При этой мысли сердце Роуэна бешено забилося, и, откинув простыню, он кубарем скатился с постели, натянул джинсы и пригладил ладонью волосы. Быстро и осторожно он спустился по лестнице и пошел по коридору, мягко ступая босыми ногами по обюссонской дорожке. Запах кофе стал сильнее, теперь к нему примешивался аппетитный аромат жарящегося бекона. Роуэн слышал звяканье столового серебра и звон тарелок. Кто-то не слишком благозвучно напевал незнакомую мелодию. Голос показался Роуэну мягким и дружелюбным. И знакомым?

Он вошел в кухню, не слишком понимая, кого надеется увидеть. Красавицу в старомодной белой ночной рубашке? Или одетых в белое санитаров, которые увезут его в психушку?

Ни того, ни другого на кухне не оказалось. Спинай к нему стояла полная женщина средних лет. У нее были широкие плечи, которые, однако, не могли соперничать с необъятными бедрами, и никакого намека на талию. Из-под белой униформы торчали коротенькие ноги, обутые в не слишком красивые белые туфли на шнурках, по-видимому, удобные. Голова женщины была покрыта платком с кружевной оборкой, из-под которого выбивались блеклые каштановые волосы. Роуэн подумал, что это санитарка. Может, санитары в белом уже увезли его в больницу, а ему кажется, что он в особняке Ламартин?

Женщина повернулась и ахнула, увидев полуодетого растрепанного Роуэна. Не выпуская вилку, она прижала руку к пышной груди.

– Святая Мария! – воскликнула она. – Как вы меня напугали!

Роуэн одновременно подметил несколько деталей. Женщина говорила на местном диалекте, у нее было симпатичное лицо, и, судя по всему, она только что побывала на мессе. Иначе, зачем бы ей надевать платок?

– Извините... Я не хотел пугать вас. Почувствовал запах кофе... – объяснил он, считая, что это достаточный повод оказаться на кухне. Он чувствовал разочарование и недовольство самим собой. Неужели он действительно рассчитывал найти здесь женщину в белой рубашке? Может, она просто почудилась ему, так же, как запахи розовой воды и дыма? Нет, и запах роз, и запах дыма были реальны. И женщина была реальна – кот тоже видел ее. Роуэн не знал, успокаивает или пугает его данный факт.

– ...Этта Ли Фонтено.

Роуэн продолжал думать о своем.

– Я экономка. Прихожу по понедельникам. Доктор Белл сказал, что вы будете здесь жить, – женщина махнула рукой в сторону плиты. – Я подумала, что вы не откажетесь от завтрака.

– Не стоило беспокоиться, – произнес Роуэн и представился: – Меня зовут Роуэн Джейкоб.

– Никакого беспокойства, мистер Джейкоб. Мне нравится смотреть, как мужчины едят. У меня самой три сына, и ни один из них не весит меньше двухсот фунтов.

Когда она жестом пригласила его за стол. Роуэн не отказался.

– Садитесь, а я буду ухаживать за вами. Тут невеста откуда появился кот и принялся крутиться возле толстых ног экономки.

– Кыш! – завопила она, размахивая полотенцем перед мордочкой зверька.

Кот отпрыгнул и попытался спрятаться за Роуэном. Тот чувствовал какую-то странную привязанность к животному, возможно из-за того, что они вместе пережили накануне. Роуэн нагнулся и почесал кота за ушами. Вопреки своей всегдашней настороженности, кот потерся мордочкой о руку Роуэна, словно после событий этой ночи признал его.

– Могу вам сказать, я очень обрадовалась, узнав, что кто-то будет жить в этом доме. Плохо, когда нет жильцов. И я обрадовалась, да, сэр.

А вы давно работаете здесь? – притворно безучастно поинтересовался Роуэн. Если она живет здесь долго, то, возможно, знает что-нибудь из истории дома. И, может быть, знает, что за женщина изображена на портрете.

– Да с тех пор, как доктор Белл восстановил особняк – ответила экономка.

– Почему он называется особняком Ламартин? – спросил Роуэн, прекрасно зная ответ.

Этта Ли Фонтено подняла свои чистые голубые глаза на Роуэна, и, сняв бекон, вылила жир со сковороды.

– Человек по имени Ламартин был его хозяином, – ответила она, наконец, снимая с другой сковороды яичницу. – По крайней мере, так говорят.

Роуэн видел, что она крайне неохотно говорит об этом.

– Давно? – поинтересовался Роуэн.

– Очень, – и, словно желая прекратить разговор, женщина добавила: – а вот и ваш завтрак.

Она поставила перед ним тарелку с яйцами, беконом и тостом. При виде еды в животе у Роуэна заурчало от голода.

Отрезав кусочек бекона, Роуэн скормил его коту, поблагодарил экономку за завтрак и спросил:

– А как долго он владел домом? Смутившись, та уклончиво ответила:

– Говорят, что недолго. Тема беседы, равно как и нежелание Этты Ли поддерживать ее, заинтересовали Роуэна.

– Но почему же? – спросил он. – Что-нибудь случилось?

В голубых глазах неожиданно отразилась тревога.

– Дом горел, а больше я ничего не могу сказать, – тут она перекрестилась. – Говорить об этом доме – *mauvaise fortune*... к беде.

– Не понимаю. Что плохого в том, чтобы разговаривать о доме?

– Говорят, здесь происходят дурные вещи. Злые, безбожные вещи.

– Что именно?

– Не могу сказать, – солгала она, и продолжила, словно увлекшись беседой: – Дьявол бессмертен, а Гален Ламартин... был сущим сатаной. С собой красавчик, а внутри – злоба. Нет, сэр, – пламенно добавила она, и ее лицо разгорелось, – если уж зло поселилось в доме, его не выгонишь. Неудивительно, что по дому бродит привидение. – Этта Ли снова перекрестилась. – Я прихожу сюда только после мессы. Ведь Бог защищает чад своих, правда?

– А кто или что появляется в доме?

– Она, – тихо ответила женщина, глядя на дверь так, словно ожидая чьего-то появления. Сердце Роуэна забилось быстрее.

– Она? Кто?

Не сводя глаз с двери, экономка сказала:

– Его жена. – Подумав, она добавила:

Энджелина д'Арси Ламартин, упокой господи ее душу.

– Женщина с портрета, – почему-то Роуэн был уверен в этом.

Этта Ли перевела взгляд с двери на Роуэн;

– Я просила доктора Белла не вешать портрет в доме, потому что это только потревожит ее дух, но он сказал, что это только прекратит все недоразумения. Он сказал, что ему повезло найти этот портрет. И что, принеся его в дом, он успокоит всех духов, – Этта Ли благодушно улыбнулась. – Доктор Белл не верит в духов.

«Я тоже не верил, – подумал Роуэн. – До этой ночи».

– Но вы-то верите, – сказал он.

– В достаточно темную ночь поверит любой, – в ясных глазах женщины не было ни тени сомнения.

«Да уж, – подумал Роуэн, – любой, кто видел это собственными глазами». Он вспомнил женщину в белом. У нее в руках была свеча, а по щеке катилась одинокая слеза. Она прошла сквозь него, они слились в одно, и он почувствовал себя так, как еще ни разу в жизни не чувствовал.

– А что случилось с Энджелиной д'Арси Ламартин? – это был самый важный вопрос, который когда-либо приходилось задавать Роуэну. Ему было жизненно необходимо знать это.

– Она погибла во время пожара. Может быть, тогда же погиб и Ламартин. Никто не знает, что случилось с ним.

Погибла во время пожара.

Эти слова обожгли Роуэна. Он живо вспомнил, как проснулся от запаха наводнившего дом дыма. Сейчас он снова чувствовал, как едкий белесо-серый дым пробирается в его легкие, не давая вдохнуть, как жжет глаза. Мысль о том, что так погибла изображенная на портрете женщина, наполнила его грустью. Ее страх, агония, смерть... нет, это нестерпимо.

Этта Ли Фонтено не заметила смятения Роуэна. Она, казалось, решила, что слишком о многом поведала ему, слишком разоткровенничалась. Подхватив ведро с тряпкам и щетками, она заявила:

– Мне надо убрать в доме. А легенда – всего лишь сказка, так ведь? – и направилась к двери.

– А что она ищет? – голос Роуэна был тих, напряжен. Роуэн не мог разобраться в обуревавших его чувствах.

Этта Ли Фонтено остановилась и, повернувшись, уставилась на сидящего за столом мужчину. Его вопрос не нуждался в пояснениях.

– Кого-нибудь, кто поможет ей выбраться из этого дома. Так говорит легенда.

Желая побыстрее закончить этот разговор, женщина снова направилась к выходу, но Роуэн опять остановил ее:

– Вы говорите по-французски? Этта Ли кивнула.

– Что означает *aidez-moi*?

Экономка долго молчала, и Роуэн начал бояться, что не получит ответа. Он не знал, видела ли она призрак красавицы, но понял, что Этта Ли догадалась, где он слышал эти слова.

– Помогите мне, – сказала она в конце концов, и, снова осенив себя крестом, решительно вышла из комнаты.

Помогите мне.

Эти слова преследовали Роуэна. Снова и снова он слышал их шепот. Снова и снова видел грустные глаза Энджелины и чувствовал безграничное отчаяние. Но как он мог помочь ей? Как можно помочь человеку, умершему задолго до твоего рождения?

– Бродя по дому, Роуэн подбирал ответы, которые он не мог найти. По правде сказать, он искал призрак Энджелины. За день он раз сто прошел по лестнице. Там никого не было, лишь экономка иногда смотрела на него так, словно знала, что он ищет. Пару раз, осознав, чем он занимается, Роуэн останавливался, словно его что-то ударило. Господи, охотиться за привидением!

Если же Роуэн не слонялся по дому, то сидел перед портретом внизу. После того, что произошло на лестнице ночью, портрет, казалось, выглядел иначе. Женщина теперь была ближе ему, ее лицо выглядело более грустным, а черные, как ночь, глаза притягивали к себе еще сильнее. Несмотря на все старания, Роуэн не мог избавиться от ощущения, что где-то уже видел ее. Кроме того, он чувствовал, что в те несколько секунд, что они виделись на лестнице, женщина узнала его.

Экономка ушла в три часа. После ее ухода дом, казалось, стал еще тише. Было невыносимо тихо. Даже кот оставил Роуэна и куда-то удрал. Роуэн порылся в библиотеке, надеясь найти что-нибудь об особняке Ламартин, но не нашел ничего, кроме той книги, что уже читал. Он снова просмотрел ее. Ничего нового не узнал, но зато ему пришла в голову одна идея. В половине пятого Роуэн вышел из дома и направился в библиотеку.

Просмотрев все книги, в которых упоминался Новый Орлеан, Роуэн узнал немногим больше того, что уже было ему известно. Кое-где попадалась нужная информация. Почти везде упоминалась сенсационная легенда о призраке особняка Ламартин. Роуэн понял, что Новый Орлеан равнодушен к сказкам. Сказки при каждом повторении становились все красочней и обрастали подробностями. В одной из книг упоминалось, что дом населен чуть ли не полудюжиной привидений, начиная слугами и заканчивая самим Галеном Ламартином. История эта излагалась крайне весело, чего Роуэн никак не мог одобрить.

Он узнал достаточно фактов, которые казались точными. Гален Ламартин приобрел этот дом в 1875 году. Судя по всему, Ламартин действительно пользовался успехом у женщин. Когда в 1878 году он отплыл во Францию и в том же году вернулся с молодой женой, все дамы Нового Орлеана, включая и замужних, были очень разочарованы. Новобрачных сопровождала младшая сестра Энджелины. хрупкая девушка шестнадцати лет.

Множеству приведенных в книгах фактах читатель мог верить и не верить. Гален Ламартин был назван садистом, приверженцем культа вуду и тюремщиком Энджелины. Здоровье младшей сестры ухудшалось. Дом загорелся. Одни считали, что его подожгла Энджелина, пытаясь бежать от мужа. Другие говорили, что пожар произошел случайно. В одной книге говорилось, что погибли обе женщины, в другой – что сестра Энджелины осталась жива.

Судьба Галена Ламартина осталась неизвестна. Согласно некоторым источникам, он тоже погиб во время пожара, другие же полагали, что он выжил и вернулся во Францию.

Последнюю книгу Роуэн захлопнул с такой силой, что мрачная библиотечарша внимательно посмотрела на него. Но как же Энджелина? Роуэн по-прежнему почти ничего не знал о ней, том, что она была красавицей, рьяной католичкой и погибла во время пожара.

– Библиотека закрывается, – прозвучал голос над самым ухом Роуэна. Библиотечарша недовольно смотрела на разбросанные по столу книги.

Посмотрев на часы, Роуэн удивился, что уже девять. Много часов он просидел в библиотеке, не отвлекаясь даже на то, чтобы поесть. Учитывая, что он ничего не ел со времени завтрака, Роуэн должен был давно проголодаться. Но есть ему не хотелось. Отодвинув стул, он встал и принялся собирать книги.

– Я уберу, – сказала библиотечарша, молодая женщина с повадками старухи. По ее тону было ясно, что она не доверяет Роуэну и боится, что он не расставит все по своим местам.

Роуэн поблагодарил ее, хотя и не знал, за что. Она была груба с ним. Через полчаса, неся в пакете гамбургер, Роуэн вошел в дом. Звонил телефон.

– Алло? – он поднял трубку телефона, находящегося в коридоре.

– Где ты был?

В голосе Кей звучала паника. Роуэн вспомнил, что, несмотря на договор, не позвонил ей сегодня. Было трудно поверить, что с момента их последнего разговора прошли всего сутки.

Казалось, что это была целая вечность, и что еще хуже, голос Кей казался голосом из прошлого.

– Выходил из дома, – ответил он.

– Тебя не было весь вечер. Я звоню с пяти часов.

Бог знает, сколько раз она успела позвонить...

– Ну да, я только что вошел.

– Где ты был? – повторила она. Он понимал, что у нее есть право интересоваться, что, окажись в подобной ситуации он тоже задавал бы вопросы. В конце концов, они ведь должны пожениться. Почему же он медлит с ответом?

– Я... гм, пошел в библиотеку.

По замешательству Кей Роуэн понял, что она удивлена.

– В библиотеку?

– Да, я... я решил провести кое-какие исследования.

Роуэн знал, что Кей в первую очередь придут в голову исследования в области медицины.

– Так все это время ты был в библиотеке.

– Еще купил кое-чего поесть. – Услышав в ее голосе раздражение, Роуэн потер переносицу большим и указательным пальцами и произнес: – Извини.

В тот же момент Кей извинилась, и их голоса слились.

– Извини, – повторила она и добавила: – я просто очень беспокоюсь за тебя.

– Ты чересчур беспокоишься, – заметил Роуэн. По правде сказать, он и сам тревожился.

Путешествие в Новый Орлеан должно было упростить его жизнь, но оно лишь добавило сложностей.

Казалось, Кей не умолкала вечность. Но наконец она заявила:

– Думаю, я должна закончить наш разговор. У тебя снова усталый голос. Ты не высыпаешься, милый?

– Более-менее высыпаюсь. Да ты сама знаешь, каково на новом месте.

– А какой там дом? Ты никогда не говорил. Он красивый?

– И да, и нет. Он... он уникальный. – Не желая развивать эту тему, Роуэн поспешно добавил: – Поговорим завтра. Обязательно позвоню тебе.

– Обещаешь?

– Разумеется, – Роуэн буквально задыхаясь от ее требовательности, хотя и знал, что так вела бы себя любая влюбленная женщина. Проблема была в нем, а не в ней.

– Я тебя люблю, – сказала Кей. Роуэн старался ответить тем же, но, несмотря на все попытки, произнести эти слова ему не удалось. В конце концов, он отделался вялым:

– Я тоже.

Он знал, что Кей разочарована, но настаивать не будет. Кей никогда не давила на него. Иногда он жалел об этом.

– Ладно, – сдалась она. – Поговорим завтра.

– Спокойной ночи, – пожелал Роуэн.

– Спокойной ночи.

– Кей! – неожиданно для самого себя позвал Роуэн.

– Что?

Роуэн не представлял, что собирается сказать, ему просто не хотелось расставаться с частью того, что еще оставалось надежным знакомым и безопасным в его перевернутом с ног на голову жизни. Ему хотелось слышать, знакомый голос. И в то же время Роуэн понимал, что Кей стала для него чужой. Странно, но Энджелина д'Арси казалась гораздо ближе...

– Приятных снов, – закончил Роуэн и притворился, что не понимает, насколько разочарована Кей.

Позже он съел холодный гамбургер, хотя есть не хотелось. Принял душ, затем сделал то, что ему хотелось сделать с момента прихода домой. Он пошел в гостиную, сел в персиковое с голубым кресло и принялся смотреть на портрет. Шли секунды, минуты, часы. Роуэн думал о

том, насколько эта женщина была красива, какой ужасной была ее жизнь, и не мог отделаться от мысли, что они где-то встречались. Он понимал, что уже одержим ею. Это был именно тот род навязчивой идеи, которой с удовольствием занялся бы любой психиатр.

– Беги, – говорил себе Роуэн. – Убирайся из этого дома как можно скорее. – И знал, что не сможет это сделать. Женщина на портрете так смотрела на него... Он вспоминал события минувшей ночи, встречу на лестнице. Помнил, что испытал, когда эта женщина прошла сквозь него.

Нет, он останется. Где-то в глубине души Роуэн сознавал, что сохранил жизнь благодаря Энджелине д'Арси. То, что он должен был сделать, прежде чем «пересечь рубеж», имело мое непосредственное отношение к ней. За это он был готов ручаться жизнью.

Роуэн уснул там же, где сидел. Среди ночи он проснулся, сменил положение и глянул на портрет. В неярком свете лампы ему показалось, что из глаза женщины скользнула слеза. Он решил, что это ему снится.

Летом 1880 года в Новом Орлеане было так жарко, что, по уверениям газет, даже дьявол прогуливался с веером и тайком молил Бога об облегчении. И, что еще хуже, из-за недавних дождей город наводнили тысячи, миллионы москитов. Любой должен был выбирать, задышаться ли ему в закрытых комнатах или то и дело отбиваться от надоедливых кровососов. Сейчас, стоя перед распахнутым окном, Энджелина д'Арси (она предпочитала не упоминать фамилии своего мужа) предпочла общение с москитами. По правде сказать, из-за ужаса, царящего в ее сердце, женщина почти не замечала ни комариных укусов, ни давящей жары.

Она ненавидела ночь – ведь в это время обычно являлся он. Она никогда не упоминала его имени и избегала называть его своим мужем. Если у него не будет имени, если забыть о том, какое место он занимает в ее жизни, ужас станет менее реальным. Эта игра никоим образом не спасала ее от ее страшных игр, но все же хоть чуть-чуть помогала... Она давала шанс сохранить рассудок. Сохранить здравый ум было очень важно для Энджелины.

Она боялась не за себя – Бог на небесах видит, что ей уже безразлично, что будет дальше, а за сестру.

Внизу, во дворе, журчал фонтан. Она могла представить себе ужасных химер, словно стражи охранявших фонтан. Их бормотание звучало издевательски. Всего два года назад, стоя перед освещенным свечами алтарем в маленькой католической церкви в родном Руане и клянясь в любви перед Богом и людьми, Энджелина, одетая в кружево и атлас, думала что чужестранец, столь неожиданно ворвавшийся в ее жизнь, послан ей Богом. Но вскоре она убедилась, что он был посланцем сатаны. Двумиким, словно Янус.

На Энджелину нахлынули воспоминания об их брачной ночи и прочих, последовавших за нею, ночах. Несмотря на жару, ее бил озноб. Энджелина плотнее запахнула свой белый наряд, словно не желая, чтобы от нее ушло это знание, эта боль. Ее сестра не должна знать этого. Никогда! Хлоя не должна узнать, какая цена уплачена за нее. На глаза Энджелины навернулись жгучие слезы, но она не могла позволить себе разрыдаться перед сестрой, и не хотела плакать в его присутствии, чтобы не доставлять ему радости.

– Сестрица?

Тыльной стороной руки Энджелина смахнула единственную предательскую слезинку и, растянув губы в улыбке, обернулась:

– Что, *ma petite*?

Энджелина никак не могла привыкнуть к внешнему виду своей сестры. Меловая бледность Хлои пугала ее так, что сердце щемило.

Возможно, впечатление бледности усиливала чернота ее волос, которые сейчас были заплетены в косу и обвились на худеньком плече в ушки. В восемнадцать лет Хлоя должна была бы наслаждаться прекрасными днями юности, танцевать, пленяя сердца восторженных

поклонников. Вместо этого большую часть времени она проводила в постели. Если же девушка не лежала, то была прикована к креслу или кушетке. Если день выдавался хорошим, для нее расстилали покрывало во дворе. Энджелина никогда не покидала сестру.

– Сегодня вечером ты грустишь, – произнесла девушка. Ее глаза были темно-синими, в отличие от черных глаз сестры. Она полулежала, облокотившись на взбитые подушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.